

Элиас Отис

**ЛОВЦЫ
ЛЕВИАФАНОВ**

Откровения Иова Счастливого

Содержание

<i>Пролог</i>	- 5
<i>Глава 1</i>	- 7
<i>Глава 2</i>	- 10
<i>Глава 2 (продолжение)</i>	- 14
<i>Глава 3</i>	- 15
<i>Глава 4/5</i>	- 19
<i>Глава 6</i>	- 22
<i>Глава 7</i>	- 25
<i>Глава 8</i>	- 28
<i>Глава 9</i>	- 29
<i>Глава 10</i>	- 33
<i>Глава 11</i>	- 35
<i>Глава 12</i>	- 37
<i>Глава 13</i>	- 41
<i>Глава 14</i>	- 44
<i>Глава 15</i>	- 48
<i>Глава 16</i>	- 50
<i>Глава 17</i>	- 53
<i>Глава 18</i>	- 55
<i>Глава 19</i>	- 56
<i>Глава 20</i>	- 60
<i>Глава 21</i>	- 62
<i>Глава 22</i>	- 65
<i>Глава 23</i>	- 67
<i>Глава 24</i>	- 69
<i>Глава 25</i>	- 71
<i>Глава 26</i>	- 72
<i>Глава Блаженства</i>	- 73
<i>Глава 27</i>	- 75
<i>Глава 28</i>	- 77
<i>Глава 29</i>	- 79
<i>Глава 30</i>	- 81
<i>Глава 31</i>	- 84
<i>Глава 32</i>	- 87
<i>Глава 33</i>	- 90

<i>Глава 34</i>	- 92
<i>Глава 35</i>	- 94
<i>Глава 36</i>	- 95
<i>Глава 37</i>	- 97
<i>Глава 38</i>	- 99
<i>Глава 39</i>	- 104
<i>Глава 40/41</i>	- 107
<i>Глава 41 (продолжение)</i>	- 110
<i>Глава 42</i>	- 111
<i>Эпилог</i>	- 112
<i>Комментарии</i>	- 114

Пролог

Боги устали от моего счастья.

Боги позавидовали моему счастью.

Боги испугались моего счастья.

Когда ты счастлив, зачем тебе молиться богам? Кого благодарить, если счастье — в твоих руках? И кого, и за что проклинать?

«Довольно!» — сказали боги.

«Хватит!» — сказали боги.

«Будет!» — сказали боги.

И был день, когда собрались боги пред лицом Всевышнего, надеясь лишить меня моего счастья. И судили они, как лишить меня моего счастья; и никак не могли ничего придумать, чтобы лишить меня моего счастья. Глупые, несчастные боги!..

И тогда явился пред лицом Всевышнего хитрейший из богов, которого называли Тенью^{1*}, потому что у него не было лица; хитрейший из измышленных людьми богов явился пред Всевышним!

И сказал Всевышний Тени: «Откуда ты пришел?» И отвечал Тень Всевышнему: «Я ходил по земле и обошел ее». Ибо каждый ходящий по земле несет в себе свою Тень.

И сказал Всевышний Тени: «Обратил ли ты внимание твое на человека именем Иов^{2†}? Семь сыновей у него, и ни один не обрезан; три дочери, и голову пред слугителями моими не покрывают. И семь тысяч мелкого скота у него, и три тысячи верблюдов, и тысяча волов, и пятьсот ослиц; и полагает он в гордыне своей, что собственной волей нажил имение такое, и не приносит жертвенное мне от скота. И множество людей преданы ему, но не слугами, а братьями чтит он их. И слава его велика на Востоке, и в иных местах затмила она славу богов:

* Числовые сноски см. в конце книги.

† *Иов* — персонаж ветхозаветной Книги Иова.

жертвенники там запущены, а жрецы голодают, ибо своими руками творят судьбу свою в тех краях. И нет у меня против него ничего для людей, ибо, живя вне Закона богов и закона людей, не нарушает законов и слывет праведником; святым и блаженным слывет он пред ними. И счастлив он безрассудно, и не благодарит меня за ниспосланное».

И отвечал Тень Всевышнему: «Посуди: даром ли счастлив Иов? Счастье его — в богатстве его; во славе его и в почете его — счастье его. В его ли руках, в твоих ли богатство его, тебе ли, себе ли обязан он славой, — но прости руку твою и коснись всего, что у него, — куда тогда исчезнет его счастье?» Так говорил он, несчастный, ибо судил по себе: тени видел он в людях.

Но к сердцу пришла Всевышнему, бессердечному, бесхитростная мысль хитреца. «Хорошо, — сказал он. — Хорошо, — молвил он, Всевышний. — Как ты сказал, так пусть и будет: отними у него все, что хочешь, лишь самого Иова не трогай, — ибо хочу видеть я, как преклонится он предо мною, и как проклянет свое несчастное счастье, и как вознесет молитву мне, дабы ниспослал я ему благодать свою». И отошел Тень от Всевышнего, надеясь лишить меня счастья моего. Наивный, несчастный!

Спасибо, боги, что помните обо мне и не даете покрыться плесенью ваших благословений!

Глава 1

Было у меня, Иова Счастливого, пятьсот ослиц и тысяча волов. Нет у меня, Иова Счастливого, ослиц и волов! Где оно, счастье мое? — вот оно, счастье мое, нетронутое! Спасибо вам, волы и ослицы: ноша моя стала легче вами, и вами услаждался непритязательный взор мой. Ныне птицы услаждают вами свои гортани, ныне черви вгрызаются в ваши глазницы: к небу и земле общаетесь вы чрез них. Севеяне^{*}, рукою богов ведомые, напали на ваши следы — на пашни волов, на пастбища ослиц, — и одних из вас побили, а других увели. Пусть наслаждаются они на пиру кровью вашей: руками своими вырвали они клочок счастья себе из шкуры плешивых богов своих, — благословляю взятое ими от меня, ибо не богам поручали свои мечи! Да будут счастливы они счастьем своим, глупые, несчастные!

Было у меня, Иова Счастливого, семь тысяч овец и коз. Нет у меня, Иова Счастливого, коз и овец! Где оно, счастье мое? — вот оно, счастье мое, девственное, непорочное! Спасибо вам, овцы и козы: молоко ваше служило мне пищей, и в шкурах ваших тепло мне было холодной зимой. На склонах Огненной Горы находили вы траву для себя, и следы ваши оставались на горных тропах. Ныне пепел ваш ветрами развеян по склонам, дабы удобрить лозы диких виноградников: дрожью в сердцах наслаждались бесстрашные орлы, глядя на восхитительный фейерверк смерти, яростно рвущейся из серных жерл. Возрадуйтесь, нежные агнцы[†]! похотливые козлища, ликуйте: не коснется ваших ребер пастуха хворостина! Танцуйте, боги, глядя на пляску стихий!

Было у меня, Иова Счастливого, три тысячи верблюдов. Нет у меня, Иова Счастливого, ни единого верблюжонка! Где оно, счастье мое? — вот оно, счастье мое,

^{*} *Севеяне* — по-видимому, название одного из семитских народов.

[†] *Агнец* — ягненок, барашек.

жестокое и прекрасное! Спасибо вам, мои верблюды: через пески несли вы мои товары в чужие края, и войлок ваш согревал меня предрассветным часом. Славьте Халдеев*, убивших моих караванщиков: далекие страны увидите вы, ведомые ими. Пусть не огорчатся они Путем своим: боги ли, демоны ли избрали их орудием своим, — ныне с вами перешла к ним частица моей необузданности. Блаженны они, своими руками отнявшие у богов: даром моим для них будете вы отныне!

Были у меня, Иова Счастливого, молодцы сыновья, красавицы дочери. Нет у меня, Иова Счастливого, дочерей с сыновьями! Где оно, счастье мое? — вот оно, счастье мое, озорное, беспечное! Спасибо вам, сыновья! Дочери мои, спасибо! Счастьем своим питали вы мое счастье, — ныне болью своей предсмертной напитаете его. Ветер-пустынный разметал мой дом, крыша его стала вашей могилой; как прекрасно, что в смерти остались вы вместе, как вместе были по жизни! Семь дней в неделе принадлежали вам, сыновья мои, — по дню на сына: каждый из вас творил пир в свой день в радость братьям своим и сестрам своим, в радость всем домашним и всякому гостю случайному; день седьмой был не хуже дня буднего, ибо семеро было у меня сыновей. Ныне нет вас, сыновья мои: своими путями неведомыми идете вы за пределами мира, — но день седьмой и теперь не отличен для меня от дней будних³: семь пиров буду творить я себе в седмины[†], пусть даже крошкой черствого хлеба и маковой росинкой украшен будет мой неказистый стол.

Были пастыри на лугах моих, пахари на моих полях, погонщики в моих караванах, помощники мои в делах домашних. Братьями называл я их, и с ними восседал на пирах. Радуйтесь, братья мои, если не прахом минули наши пиры: называли меня «Равви[‡]», — так примите

* *Халдеи* — семитский народ Южного Междуречья.

† *Седьмина* — неделя.

‡ *Равви* — Учитель.

пришедшее к вам, ибо жизнь — счастье неопишное, а смерть — лишь мгновение вашей жизни, дивное, дикое: что она, как не повод для нового счастья! На что же мне горевать тогда о вас, вы, счастливые, прекрасные? А коли не заразились вы моим счастьем, пустые, жалкие, — на что мне горевать о вас, глупых? Четверо из вас, братьев, — вестники мне живые из царства мертвых: это ли не чудо чудесное? Будьте счастливы: на четыре стороны отпускаю я вас, свободных, в любви своей к вам. Вырвите с корнем меня из ваших сердец, дабы выразить вашу любовь ко мне!

Что мне рвать на себе одежды? — не так уж много их у меня осталось! Что мне стричь макушку и сыпать голову пеплом? — и так седина убелила ее: волос в старости — что лист по осени. Что падать мне на колени? кому поклоняться? — есть у меня то, что у меня есть, а большего мне не надо. Или не свят я, счастливый, одинокий? — а покажите мне, какой святой роптал на тяготы жизни, — мигом убью его дорожным посохом своим⁴, крепким, тисовым^{5*}! Смешно быть мне святым святостью господней: своею святостью буду я свят. Наг вышел я из чрева матери моей, наг и возвращусь, коли час мне придет. Спасибо вам, тем, кто сопутничал мне дни и годы: вы были прекрасной оправой в жизни моей, жемчужина которой — сердце мое! Было хорошо мне с вами, ныне хорошо мне без вас.

* *Тис* — хвойное дерево.

Глава 2

И был день, когда собрались боги снова пред лицом Всевышнего решать судьбу моего счастья; и Тень явился среди них, и тень была на лице Всевышнего.

И сказал Всевышний Тени: «Откуда ты пришел?» И отвечал Тень Всевышнему: «Я ходил по земле, и обошел ее». Так сказал Тень Всевышнему, Всевышнему из нижних.

И сказал Всевышний Тени: «Обратил ли ты внимание на человека именем Иов, на то, как играет он твоими карами, искушениями твоими? Ибо нет на земле человека, подобного ему: есть у него богатства — и счастлив он; нет у него ни клока шерсти с паршивой овцы — и счастье его не иссякает. И счастьем своим заражает он иных прочих, а потому убоился я его: счастья его убоился я, — ибо если сотая часть от племени человеческого станет подобным Иову, то голос молитв не усладит более слуха богов, и дым всежжения* не достигнет нас, и голод постигнет нас, — голод великий постигнет нас, небожителей». Ибо молитвами человеческими и верою живы живущие на небесах: в сердцах людей живут они, ибо небеса живут в их сердцах.

И еще сказал Всевышний Тени: «Не ты ли говорил, хитрейший: прости руку твою и коснись всего, что у него, — куда тогда исчезнет его счастье? Вот, смотри: богатства нет более в руке его, и слава его ушла от него, — ибо род людской славит тех, кто богат, пока тот богат и властен, — род глупый, завистливый. Какова цена слов твоих? — грош цена им, Тень — тень тени моей! Коли хитер ты, хитрейший, найди хитрость отнять счастье иовино: пусть не люди будут подобны ему, бесподобному, а он уподобится им, безумным, безликим!»

И отвечал Тень Всевышнему: «Кожа за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него. Счастье

* *Всесожжение* — форма ритуального жертвоприношения.

духа его — во здравии тела его; но простри руку твою и коснись кости его и плоти его, — куда исчезнет тогда счастье его?»

И снова к сердцу Всевышнему пришлись речи Тени, — к сердцу пришлись они ему, глупому, наивному. И так он рек в надежде своей безнадежной: «Вот, был он в руке моей, — ныне в руки твои предаю я его. Только разума не лишай его, коварный из коварных, дабы мог насладиться я муками его отречения и светлым ароматом его покаянных молитв». И отошел Тень от Всевышнего, надеясь лишить меня счастья моего. Несчастливый, неразумный!..

Был я здоров и силен, был я красив собой: спина прямая, кожа гладкая, чистая, — ныне сгорблен, струпиями кожа моя покрыта от подошвы ноги моей по самое темя мое. Ослабел я в болезни своей, и боль мое тело пронизала; о, как прекрасна слабость моя! о, как боль моя совершенна! Нет другого такого, как я: столь убогого и уродливого, как я, нет; нет столь же, как я, счастливого. Слава болезни моей! ибо она страшна. Слава убожеству моему! ибо оно совершенно. Боль моя невыносима; трижды слава мне, счастливому, что способен ее выносить! Скоблю черепицею засохшие язвы свои: сколь возвышенно занятие это! В пепле руин своих пребываю: вот он я, угасающему костру подобен! Трижды счастлив я буду здоровым: трижды счастлив больным, ведая это.

Говорила жена мне: «Бедный, несчастный! Разве не видишь: боги играют с тобою, ибо сильнее тебя. Прокляни же богов, раз не хочешь воздать им молитвы, и умри, — и тогда я последую за тобою; ибо что нам в жизни такой?» Милая, глупая, так сказала она мне. Как безумная сказала она мне; я люблю ее: что ей предавать меня жалостью своею! Не она ли была со мною в радости и печали, в богатстве и бедности, во здравии и в болезнях? не она ли наслаждалась ими вместе со мною? — иначе и Пути моего не было бы рядом с нею. На что же теперь не

видит она счастья моего, глупая, милая! — видно, глаз ее становится к старости слеп. Неужто доброе нам дано принимать от богов, а злого принять не в силах? Неужто не мы творим своих богов и доброе и злое от них? Неужто злое не будет добрым для нас, как и доброе — злым? Удались, любимая: ныне отпускаю тебя, дабы трижды был рад новой встреча с тобою. Счастья своего не оставлю: жду тебя, единственная, возлюбленная, быть со мною в счастье моем, чтобы стало оно твоим!

И пришли ко мне друзья мои — братья мои далекие: Элифаз, Вилдад и Софар, — таковы имена пришедших ко мне. Из мест своих пришли они ко мне в землю Уц*, прослышав слухи нелепые о бедах моих, о несчастиях моих: из Фемаи, из Савхеи, из Наамии пришли они трое, лежковерные, утешать меня в горестях моих, богами задуманных, молвою измышленных. Не узнали меня, неразумные: кожу лица и плоть на костях разглядывали и гадали, где он, кто был Иовом Счастливым, Иовом богатым, здоровым. Глупые! тело ли мое за меня принимаете? Вы бы еще одежду мою, на осла накинутую, мною почли, добрые, незрячие! Вот он я, струпья черепицей скребу: тот же это Иов Счастливый, что пировал с вами за богатыми столами в залах своих сыновей! Пусть засохшие язвы мои не ложатся бельмом на глаза вам!

Зарыдали друзья мои, увидев меня, узнав меня: Элифаз, Вилдад и Софар, — втроем зарыдали. Плачьте! плачьте и радуйтесь плачу своему, гости мои дорогие, единственные! Так и я радуюсь плачу вашему. Рвите! рвите одежду на телах своих, кидайте пыль к небу, в лица ваших богов! Хорошо бы и тела вам порвать ваши в ключья, дабы не тяготиться ими, дабы грузом они не висели на вас: на что вам тела, несчастливые, если счастья от них не имеете? А иначе пляшите, пойте, сражайте врагов, любите женщин, — живите, живите, безумцы, дабы

* *Земля Уц* — по разным данным, 1) арамейская область на севере Заиордания; 2) то же, что Хауран, или 3) то же, что Эдон (области в Палестине).

тела ваши были храмом Богу вашего сердца! И если скорбите за меня — наслаждайтесь скорбью своею, и если больно вам за меня — возлюбите боль свою, и если богов проклинаете — целуйте свои проклятия!

Так сидите семь дней, семь ночей: вот он, грех первородный^б — желание большего, для себя ли, для ближнего; не умеете радоваться тому, что у вас, — созерцайте свое неумение, неразумность свою созерцайте!

И сидели семь дней, семь ночей, созерцая; и никто не сказал мне ни слова. Добрые, безутешные, глупые!..

Глава 2 (продолжение)

«.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....».

Таковым было молчание наше.

Глава 3

Я, я виной своему неоправданному счастью, — сказал я друзьям своим. — Не в руках богов оно, не в руках человеческих, — на седьмой день так сказал я им, добрым, печальным. — Если постигли меня боль и страдания, значит, мною же они мне и ниспосланы, дабы укрепиться мне духом и постигнуть себя в боли и страдании: радостно приму их как дар от себя к себе. Но коль скоро устану терпеть тяжесть их блаженства, отрину их жизнью ли, смертью ли: пусть летят они глупым богам навстречу, ибо желания их во мне породили их, — им их и принимать: даром себе от себя пусть принимают их.

Я, я один — истинный Бог себе, истинный властелин судьбы своей и страстей своих: да не будет у меня иных богов, кроме меня, счастливого, безмятежного! Владующий богатствами и чужими сердцами сам попадает в рабство своих владений; но вот, ныне нет у меня ничего, что отнять: кто же прострет теперь руку власти своей к сердцу моему? Собой владею — ничем иным; ибо что иное есть помимо меня, достойное владения? ибо кто иной достойнее меня владеть? Но в миг, когда счастье мое превратится в тупое довольство коровьей жвачкой, и когда возблагодарю богов и людей за ниспосланное мне благое, и когда на людей и диаволов возропщу за ниспосланное мне злое, — в миг тот погибнет день, в который я родился, прахом развеется ночь, в которую сказали: «зачался человек»! Ибо гибель мне в том, свободному, безумному.

День тот да будет тьмою, и да не воссияет над ним свет; дабы не я, так птицы ночные могли насладиться им, крылатые, дикие. Да омрачит его туча, несущая влагу зернам, да страшатся его, как палящего зноя, любители страха! Ночь та, — да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев: коли диво рождения моего уйдет из нее, что еще украсит ее для меня! — тьма, только тьма украсит ее, мрачную, таинст-

венную! Да будет безлюдна ночь та, коль уйдет из нее веселие, и да проклянут ее проклинаящие день, глупые, несчастливые, способные разбудить своих левиафанов* и не ведающие о своем могуществе! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, — как ждет царевна возлюбленного царевича своего, и радуется ожиданию, и сладостно томится ожиданием, что с каждым часом все слаще и слаще для нее, верной, любящей! Лучше бы ночи той затворить двери чрева матери моей, чтобы я не явился на свет, чем отречься мне от счастья моего и сделаться рабом Божиим, испуганным, трепещущим!

Чтобы жить, чтобы любить жизнь и наслаждаться ею, опасной, неистовой, — радостями и скорбями ее наслаждаться, — для того и не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева. Чтобы руками своими творил я деяния свои, чтобы греть собою тех, кто ищет моего тепла, и сжигать не уберегшихся Пламени, живущего в сердце моем, — для того приняли меня колена Израилевы, для того сосал я сосцы матери своей. Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно, довольному, мертвому, глупому: с царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни, вырубали леса, сушили болота, — с неразумными, с губителями, ждущими большего, несчастливыми с меньшим; или с князьями, у которых было золото, и которые наполняли дома свои серебром, а сердцами были пусты, как прохудившиеся мехи, или с иными прожигателями жизни, мусором рода человеческого, — с копившими хлам преходящий на завтрашний день, а день сегодняшней упускавшими: вот, лежат теперь кости их посреди серебра и золота, и даже червям и крысам нечего взять теперь с их костей; или, как выкидыш сокрытый, нерожденный, безмозглый, пребывал бы я в небытие, как младенцы, не увидавшие света, радостей жизни не познав-

* *Левиафан* — морское чудовище.

шие. Мне ли судьба такая, бунтующему, непокорному! Все, что было мне в жизни, с поднятой головой принимал я, — как дар равного равному принимал я, а не как оглодок со стола зажавшегося воинства небесного. Не желаю, чтобы по смерти моей сказали: «отмучился», — и рыдали смерти моей; пусть смеются смерти моей! тогда и я посмеюсь вместе с ними.

Там незаконные перестают наводить страх: как насладиться мне там страхом и радостью опасности грядущей? Там отдыхают истощившиеся в силах: как отдохнуть мне там от их оупляющего отдыха, мне, яростному, полному сил? Там узники вместе наслаждаются покоем, и не слышат криков приставника: на что мне их общество, — их, нечестивых, покорных? Малый и великий там равны, как кошки, серые в темноте; но глупцы лишь равны в своей глупости: мудрецы же мудры каждый в себе и каждый мудростью своею. Раб свободен там от господина своего, и господин лишен раба своего, — но оба рабами там остаются, ибо «свободные от» несвободны от своей свободы; иначе я: для счастья свободен я, для жизни свободен я, но не от горести и не от смерти, — я, счастливый, бессмертный!

На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою, которые ждуг смерти, и нет ее, которые бы вырыли ее охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб? — но и тому не сумеют обрадоваться они, страдальцы, несчастливцы. На что дан свет человеку, которого Путь закрыт, и которого боги сердца его окружили мраком? Вот, возьмите меч в руки свои и отсекуте голову ему, несчастливому: как лошади загнанной, в милосердии своем. Нечего жить таким, не знающим радости в жизни; пусть хоть в смерти радость они обретут, если мышца их сердца не столь тонка, что и смерти — большего из больших — не примет с радостью! Коли жизнь им мука, на что им такая

жизнь? Сами выбрали жребий свой: пусть же примут его до конца, слабосильные, бестолковые!

Не знаю, что будет завтра, и если миг мой станет миготом смерти, то и им смогу я насладиться, столь же вечным, как и иное мое мгновение. А не имея страха пред смертью, живу и без иного страха; ибо всякий страх есть страх смерти: змею боятся за яд, а не за изгиб тела, и тьма страшна людям не тьмой, а таящимися в ней опасностями. Страх порожден привязанностями к жизни и ко всему, что от жизни, а детище страха — злоба и боль: нужны ли мне его дары, — мне, умиротворенному? Потому живу, погруженным в жизнь, не привязываясь к своему погружению.

Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода; как прекрасны вздохи и стоны мои, страдающего, счастливого! Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне: смотрите, сколь велика власть моя, сила моя! Так и если счастье мое вижу в руке моей, — то и вот оно, счастье мое! так и горе, если хочу, — вот оно, горе мое! Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: ныне скорблю я, что рад, и радуюсь, что скорблю; ибо себя возлюбил я, как любимого друга; как злейшего врага, возлюбил я себя лютой ненавистью!

Так говорил я им, троим из Фемаи, и из Савхеи, и из Наамии, добрым, глупым.

Глава 4/5

И отвечал Элифаз Феманитянин, и сказал⁷:

«Если попытаемся мы сказать к тебе слово, — не тяжело ли будет тебе? Впрочем, кто может возбранить слову! Вот, ты наставлял многих, и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колена ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог; коснулось тебя, и ты упал духом. Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих — упованием твоим?

Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные были искореняемы? Как я видел, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинаят его; от дуновения Божия погибают, и от духа гнева Его исчезают. Рев льва и голос рыкающего умолкает, и зубы скимнов сокрушаются; могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются.

И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него. Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет, и потряс все кости мои. И дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне. Он стал, — но я не распознал вида его, — только облик был пред глазами моими; тихое веяние, — и я слышал голос:

— Человек праведнее ли Бога? и муж чище ли Творца своего? Вот, Он и слугам Своим не доверяет; и в ангелах Своих усматривает недостатки, тем более — в обитающих в храминах из брения, которых основание прах, которые истребляются скорее моли. Между утром и вечером они распадаются; не увидишь, как они вовсе исчезнут. Не погибают ли с ними и достоинства их? Они умирают, не достигши мудрости.

— Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты? Так, глупца убивает гневливость, и немысленного губит раздражительность. Видел я, как глупец укореняется; и тотчас проклял дом его. Дети его далеки от счастья, их будут бить у ворот, и не будет заступника. Жатву его съест голодный, и из-за терна возьмет ее, и жаждущие поглотят имущество его. Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда; но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремиться вверх.

— Но я к Богу обратился бы, предал бы дело мое Богу, Который творит дела великие и неисследимые, чудные без числа; дает дождь на лицо земли, и посылает воды на лицо полей; униженных поставляет на высоту, и сетующие возносятся во спасение. Он разрушает замыслы коварных, и руки их не довершают предприятия. Он уловляет мудрецов их же лукавством, и совет хитрых становится тщетным: днем они встречают тьму, и в полдень ходят ощупью, как ночью. Он спасает бедного от меча, от уст их и от руки сильного. И есть несчастному надежда, и неправда затворяет уста свои.

— Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай. Ибо Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют. В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло. Во время голода избавит тебя от смерти, и на войне — от руки меча. От бича языка укроешь себя, и не убоишься опустошения, когда оно придет. Опустошению и голоду посмеешься, и зверей земли не убоишься; ибо с камнями полевыми у тебя союз, и звери полевые в мире с тобою. И узнаешь, что шатер твой в безопасности, и будешь смотреть за домом твоим, и не согрешишь. И увидишь, что семя твое многочисленно, и отрасли твои, как трава на земле. Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время. —

Вот что мы дознали; так оно и есть; выслушай это, и заметь для себя». —

Так говорил Элифаз Феманитянин, глухой, невразумленный; слушал речи мои восторженные и не слышал их.

Глава 6

О, если бы верно ты понял стоны мои и слова мои! — отвечал я ему, Элифазу Феманитянину. — О, если бы верно ты понял стоны мои и слова мои, и взвесил бы правильной мерою страдание мое и блаженство мое! Любое из них перетянуло бы песок морей, — страдание ли, блаженство ли! Оттого и слова мои неистовы. Ибо что мне стрелы богов во мне! дух мой пьет яд их, пьянительный, ароматный, — пусть же они наслаждаются этим, как и я наслаждаюсь им! В ужасе боги ополчились против меня: пусть они хоть ужасом своим напьются вволю, коль не могут напиться победою!

Ревет ли дикий осел на траве? мычит ли бык у меси-ва своего? Едят ли безвкусное без соли, и есть ли вкус в яичном белке? До чего не хочет коснуться душа моя, то вызывает отвращение в сердце моем, — как же коснется душа моя отвратительного для нее! А если коснулась рука моя, души моей рука, того, что мнилось отвратительным, — разве не знак это верный того, что не отвратительно, а приятно и неотвратимо оно для души моей? Если струи прохладные нежат гортань мою, не значит ли это, что искал я их живительной прохлады? и если зной геенны^{*} сжигает меня, — не искал ли я зноя себе в сердце своем? Что ищу я себе, то и явится; а раз явилось неожиданным, значит, искал я его, неожиданное.

О, если бы боги исполняли желания мои и чаяния мои! — говорил я с иронией, с пылом. — О, если бы по силам им, слабосильным, было сокрушить меня, и руку свою простереть, и сразить меня рукою своею! О, я возлюбил бы таких богов, как любимых детей своих, как самых преданных из своих учеников; ибо творили бы они волю свою руками своими. Где им, слабосильным, немощным! Что за силы у меня, чтобы надеяться мне на

* *Геенна* — ад, Преисподняя; здесь — скорее в значении «пустыня», ассоциировавшемся у древних иудеев с адом.

это, мудрому, спокойному? Твердость ли камней твердость моя? и медь ли плоть моя? Укреплюсь я в болезни моей беспощадной: в ком же помощь мне, как не во мне? и кому, как не мне, помощь во мне? Есть ли для меня какая опора, кроме сердца моего, счастья моего?

К страждущему должна быть жалость от друга его, если только не оставил он страхов своих; отринувший же страхи не оскорбит меня своими несчастными сожалениями: в любви своей ко мне оставит он меня, страждущего, счастливого. Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны от льда, в которых скрывается снег. Когда становится тепло, они умяются, а во время жаркое исчезают с мест своих. Уклоняют они направление путей своих, заходят в пустыню и теряются: смотрят на них дороги Фемайские, надеются на них пути Савхейские, но остаются пристыженными в своей надежде; приходят туда, и от стыда краснеют. Так и вы теперь ничто: увидели страшное и испугались.

Говорил ли я вам: «дайте мне, или от достатка вашего заплатите за меня; и избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня»? Проклинал ли я ваших диаволов, говоря: «верните мне отнятое у меня, и воскресите убиенных моих, и от язв моих исцелите меня, и втрое воздайте за страдания мои»? Просил ли я в покаянной молитве заступничества у ваших богов, чтобы помиловали меня, больного, грешного, и избавили от кары своей, и наградили наградой своею, чтобы не страдал я, как я страдаю? Научите меня вашему счастью, если усомнились в моем, и я замолчу, и буду счастлив вашим счастьем, если сделает оно меня счастливее, чем мое. Укажите, в чем я погрешил пред собою, и ниспрошу я прощения у себя за прегрешения мои, и прощу я себе прегрешения мои.

Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши, вы, несчастные, несознательные? Вы придумываете речи для обличения? — на ветер пускаете слова

ваши; лучше насладитесь со мною страданиями моими, чтобы насладился я вашим наслаждением, как наслаждаюсь своим. Вы жалеете счастливого; вы роете яму стремящемуся упасть. Но прошу вас, взгляните на меня; буду ли я говорить ложь пред лицом вашим? — нет, потому что это — ложь пред лицом моим! Пересмотрите, есть ли неправда? пересмотрите, — правда моя. Есть ли на языке моем неправда? вырвите мой язык! Неужели гортань моя не может различить горечи? шакалам брошу гортань мою, беспомощную, бесполезную! Вам ли неправдой — правда моя, друзья мои, добрые, жалкие?

Глава 7

Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника? Как раб жаждет тени, и как наемник ждет окончания работы своей, так и человек получает в удел месяцы суетные и ночи горестные, рабелепный, униженный. Живет он, вольный делать то, что хочет, — ибо кто, кроме него, способен решать, что ему делать? — и в свободе своей столь велик, что может захотеть делать даже то, что делать не хочет! Вот сколь велика свобода его: если хочет, может делать даже то, что не хочет! — вот сколь велика свобода человеческая! Но все в руках его: и хотеть, и хотеть хотеть, и хотеть не хотеть.

Вот он я, всеильный: когда ложусь, то говорю: «когда-то встану?» — а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета. Вот оно, чудо чудесное: тело мое одето пыльными струпьями*, а черви находят в них дом свой; кожа моя лопается и гноится в пищу им. Дни мои бегут скорее человека, но едва успевают за улитками; приходят и уходят без надежды на будущее, без памяти прошлого, счастливые, сиюминутные. Жизнь моя — дупование, око мое не возвратится видеть ушедшее. Не увидит меня око видевшего меня: глянут очи его на меня, — вот и нет меня. Редает облако, и уходит; так день вчерашний не вернется, так мертвый не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его. Это ли не повод радости: завтра — новое утро, и не было раньше подобного ему! Не буду удерживать уст моих; буду говорить без стеснения духа моего, горестью души моей наслаждаясь.

* Струпья — язвы, гнойники.

В ваших ли руках, боги, властолюбивые, испуганные, поставить стражу надо мною, — надо мною, в ком море и морские чудовища? Но стоит подумать мне в малодушии мимолетном: «утешит меня постель моя, унесет горесть мою ложе», — как сны мои страшат меня и видения мои пугают меня, упоительные; а стоит подумать в гордыне минутной: «где вы, страшные сны и ужасы моих видений, чтобы я мог сразиться с вами?» — как приходит покой и забвение. Потому не лучше ли вовсе не думать, чтобы правая рука не знала деяний левой, а левая — правой? тогда сердце ведет меня верным Путем, где слепые глаза разума видят покой и чудовищ; тогда душа моя не желает ни смерти, ни сбережения костей моих: невинна она, словно младенец в колыбели, и принимает с упоением лавры и тернии⁸.

Что вам, боги, до человека, что вы столько цените его и обращаете на него внимание ваше, — вы, бессмертные, несчастливые! — каждое утро посещаете его, каждое мгновение испытываете его. Зачем, если вы так велики, как твердят ваши жрецы, вы, беззащитные? Неужто не хватает вам своего величия, что ждете славословий от нас, смертных, что мните себе достойным карать и мловать? Не нашими ли молитвами живы вы, бессмертные, безжизненные? ибо не имеющему смерти нет и жизни. Доколе не отринут вас люди из сердца своего, — вас, немощных, бестолковых! Если грешен я, повод ли это вам для беспокойства, великие, жалкие? коли велики, закройте намертво ставни ваших дворцов и величием своим наслаждайтесь!

Зачем вы ставите себя противниками человеку? зачем стремитесь вершить его судьбы, что и жизнь становится в тягость ему? Прячьтесь живо в раковины их сердец, творящих вас, и носу не кажите, покуда не спросят! Нет бы хоть врагами вы мне были достойными: умными, жестокими, — так нет же: податели благ вы никудышные, и врагами вы мне скучны. Ибо врагами и друзьями

безликих не приемлю. Сам себе буду подателем зла и добра, сам пред собою согрешу, сам себе окажу благодеяния; сам прощу себе грехи свои, безгрешный, непорочный, ибо лучше вас знаю их: словно детей, взлелеял их, и ведаю, что прах они и во прах обратятся.

Глава 8

И отвечал Вилдад Савхейнин, и сказал:

«Долго ли ты будешь говорить так? — слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду? Если сыновья твои согрешили пред Ним, то Он и предал их в руку беззакония их. Если же ты взыщешь Бога и помолишься Вседержителю, и если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей. И если вначале у тебя было мало, то впоследствии будет весьма много. Ибо спроси у прежних родов, и вникни в наблюдения отцов их; а мы вчерашние, и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень. Вот, они научат тебя, скажут тебе, и от сердца своего произнесут слова.

Поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды? Еще он в свежести своей, и не срезан, а прежде всякой травы засыхает. Таковы пути всех забывающих Бога; и надежда лицемера погибнет; упование его подсечено, и уверенность его — дом паука. Опрется он о дом свой, и не устоит; ухватится за него, и не удержится.

Зеленеет он пред солнцем, за сад простираются ветви его; в кучу камней вплетаются корни его, между камнями врезаются. Но когда вырвут его с места его, оно откажется от него: «я не видало тебя!» Вот радость пути его! а из земли вырастают другие.

Видишь, Бог не отвергает непорочного, и не поддерживает руки злодеев. Он еще наполнит смехом уста твои, и губы твои радостным восклицанием. Ненавидящие тебя облекутся в стыд, и шатра нечестивых не станет». —

Так говорил Вилдад Савхейнин, слепой, бестолковый: глядел на меня, чистого, счастливого, и не различил.

Глава 9

Правда! знаю, что так, — отвечал я ему безмятежно; Вилдаду Савхеянину так сказал я, смехом уста свои наполняя. — Знаю: в прах обратятся нечестивцы; да и святые от них не отстанут.

Правда! — восклицали губы мои радостным восклицанием. — Правда твоя — моя правда! Не отвергнет бог непорочного, не поддержит руки злодея: куда ему, горемыке беспомощному, немощному! Хоть бы его не отвергли, несчастного; хоть бы руки ему поддержали, дряхлому.

Вот уста мои: смех на них, не проклятия. Смейтесь со мною, друзья мои! боги, смейтесь! Вот он — смотрите! — ваш вседержитель: знает вопросы, на один из тысячи которых есть ответ! Так мудр! так мудр! вопросы без ответов измыслил!

Вот он, Всевышний: премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против него и оставался в покое? — никто, ибо жаждущие покоя плохие бунтари! Так силен! так силен! Тень его — и та врагом ему, и не прогонит ее!

Он передвигает горы, и не узнают их; он превращает их в гнев своем; сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат; скажет солнцу, — и не взойдет, и на звезды налагает печать! Капризный ребенок, злой, гневливый, и тот не так увлечен своими игрушками!

Разве без него упадут небеса? разве выльется море из берегов своих без воли его? — вот, эти звезды помнят, как он копошился над бездною наших сердец⁹! Сколько великого сделано им: боль и зависть, война и страх, глупость и высокомерие! Слава ему! ибо в радость мне игрушки его, счастливому, жестокому. Слава ему! ибо есть от кого отречься и против чего бунтовать. Где же он, столь великий? — пусть только покажется мне на глаза, благодетель, и к стопам его припаду я, чтобы выразить ему свое почтение, благодарность свою невыносимую!

Где же он? где? — ах, негодник! Вот пройдет он предо мною, и не увижу я; пронесется, и не замечу его. Кто еще возбранит ему брать, что он не творил? кто еще скажет ему: «что ты делаешь»? Дайте, дайте мой тисовый посох в мои гноящиеся ладони: последние силы соберу, чтобы поколотить ему бока, неведомому, невидимому! Говорят пророки персидские, что умер он, вседержитель¹⁰; ложь, и отцы лжи измыслили ее¹¹! ибо как умрет рожденный неживым?

Не отвратит он гнева своего, всепрощающий; пред ним, любителем тупых, раболепных, падут поборники гордости, певцы и танцоры ее! Тем более могу я ответить ему, гневливому, несдержанному; да что толку в этом — приискивать слова пред ним? Хотя бы я и прав, что ему доводы, глупому, несчастливому? униженные моления нужны ему, горделивому! Да и ответ его, если услышу, будет моим ответом мне же: что мне спрашивать его, если голос свой услышу в его ответе! Вот он, в вихре разящий, умножающий безвинные раны; вот он, не дающий перевести духа, пресыщающий горестями; в сердце себе, как в гладь озерную, смотри, чтобы видеть: узнаешь лицо его, прячущегося в сердце твоём? Если действовать силою супротив него, то тенью силы твоей станет он, бессильный; если судом, кто вне тебя сведет тебя с ним? И оправдываясь пред ним, своими же устами обвиняешь себя: если был невинен, признает виновным; ибо кто есть вне тебя, пред кем тебе держать ответ за свои поступки? — никого! а кто есть, тобою же измыслен.

Чист, невинен я пред собою; в чистоте сердца творю я деяния свои: без гнева убиваю, без корысти даю, гляжу без зависти, люблю без ревности. Ибо вот он, грех их грехов: идти против воли своей и волю других попираť; считать причины своих поступков и ждать за них воздаяния — кары ли, награды ли; желать иного, чем дано, и покоряться судьбе. Между ними, между этими крайно-

стями, лежит меч, лезвие которого — стезя* прямая, непорочная¹². Виновный и невинный равно гибнут: в них ли — два полюса жизни? Несчастливы те и другие, ибо один прокликает себя за грехи, другой — за бессилие грешить; или один дрожит наказания, другой — безвинного убиения. Нет различия в душах их, виновного и невинного; лишь счастливый отличен от несчастливой.

Один из ста; хорошо если один из ста счастлив непорочно, по тонкому лезвию идучи! Если благое в руке его правой, сорвется в несчастье; и если злое в руке его левой, не устоит; пусть будет чист от злого и доброго. Тогда примет доброе — и как бы не примет: насладится им и отпустит; и злое примет — и как бы не примет: насладится им и отпустит. Вот кто идет по тонкому лезвию между двумя несчастьями: кто безмятежен и не привязан к делам своим, которые вне его, и к делам своим, которые в нем; этого назову я святым и счастливым, и он — истинный Бог в своем сердце! Счастлив здесь и сейчас, — потому нет времени в его вечности, и пространство его не имеет границ.

Когда был я здоров и богат, не подавал я нищим, больным, плешивым, которые понуро просили милостыню, стыдясь своей нищеты, лелея свои болячки; в богатстве своем не подавал я им. Тем же нищим, блаженным, убогим, что пляшут и поют в радость себе и людям, от полноты сердца своего, а не подаяния ради, — да и просят они с улыбкою, — и теперь изыщу я для них последнюю монету; в бедности своей изыщу я ее для них. Ибо тем, кому нищета не на благо, не поможет и золото; тот же, кто в нищете своей счастлив, и медную монету примет с радостью.

Посмотри же на тех счастливых и порадуйся их радости; на несчастных тех посмотри и порадуйся, если не таков: виновные и невинные среди них поражаются бичом своего несчастья, и боги их пыткам посмеиваются.

* *Стезя* — дорога, тропа.

Кто, как не боги сердец ваших, вы, несчастливые, закрывают лица неправедных ваших судей, сами слепые, зрячих ненавидящие? Дни мои быстрее гонца, — бегут, не видя добра; плетутся подобно черепахе, зло не различая. Несутся, как легкие ладьи; воловьими упряжками тянутся. Как орел на добычу, летят они; червями в навозе копаются. Глаз мой, бельминой сокрытый, зорко видит, что впитать ему, чем насладиться. Забуду я жалобы, отложу мрачный вид свой и ободрюсь: трепещу я страданий моих, изысканных, трепетных, и виной своей упиваюсь, словно вином.

Омылся я снежной водою, очистил совершенно я руки сердца моего: что с того, что язвы мои в грязь погрузили руки тела моего! Что томиться мне тем, что возгнушались мною одежды мои! ныне наг я, как выходящий из чрева, чистый пред собою, святым, нетленным. Ибо я не подобен богам — теням среди теней, живым чужими молитвами, чужими проклятиями, без них же — трупам гниющим; нет, не подобен я им и не возьмусь судиться с ними! Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на меня и на них: в сердце свое не пущу их, и нет у них сердца, чтобы впустили меня; нет пересечения между нами! Да отстранят они от меня жезл свой, и страх их да не ужасает меня; не таков я сам в себе, чтобы бояться их страхов, и буду говорить я, не убоявшись.

Глава 10

Опротивела радость душе моей; предамся ныне печали моей; буду говорить в горести души моей, сердце счастья моего буду поить скорбью. Скажу Всевышнему — Всевышнему из всенижних, — как один из рабов его, униженно и благоговейно; ибо чист я, и верно суждение мое:

«Не обвиняй меня, червя у лотосных* стоп Твоих; объяви мне, недостойному, за что Ты, Благий, Вечный, борешься со мною, ничтожнейшим? Хорошо ли для Тебя, Справедливого, что Ты, Вседержитель, угнетаешь, что презираешь дело рук Твоих святочистых, а на совет нечестивых посылаешь свет? Разве у Тебя, Бог богов и Господь над господами, плотские очи, и Ты, Лучезарный, смотришь, как смотрит человек? Разве дни Твои святосиятельные — как дни человека, или лета Твои долговечные — как лета мужа, что Ты, Величайший, ищешь порока во мне, твари бездумной, и допытываешься греха во мне, сиром, убогом, хотя знаешь, что не беззаконник я, прах от праха, недостойный подошвы ноги Твоей, и что некому избавить меня, нижайшего из нижайших, от руки Твоей могучей, разящей?

Руки Твои великомудрые трудились надо мною, псом без роду, без племени, и образовали всего меня кругом, неразумного, — и Ты, Святой, Крепкий, губишь меня, прах святейших стоп Твоих? Вспомни, что Ты, Искуснейший из творителей, как глину, обделал меня, недостойного, — и в прах обращаешь меня, ничтожного сына ничтожных родителей? Не Ты ли, Непорочный, Безгрешный, вылил меня, греховодника, как молоко, и, как творог, сгустил меня, разнесчастнейшего, кожей и плотию одел меня, кроху черствую, костями и жилами скрепил меня, униженного, уничиженного, жизнь и милость даровал мне, недостойному жизни и милости, и

* *Лотос* — водное растение; в Египте, Индии — символ чистоты.

попечение Твое всеблагое хранило дух мой, малый пред Духом Твоим? Но и то скрывал Ты, Податель Жизни, в сердце Своем всемилостивом, — знаю, что это было у Тебя, Высочайшего, — что, если я согрешу, неблагодарный, — Ты, Всеведущий, заметишь, и не оставишь греха моего тяжелейшего без наказания.

Если я виновен, горе мне! если и прав, то не осмеюсь поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое; оно увеличивается. Ты гонишься за мною, как лев, и снова нападаешь на меня, и чудным являешься во мне. Выводишь новых свидетелей Твоих против меня; усиливаешь гнев Твой на меня; и беды, одни за другими, ополчаются против меня.

И зачем Ты вывел меня из чрева? пусть бы я умер, когда еще ничей глаз не видел меня. Пусть бы я, как небывший, из чрева перенесен был во гроб! Не малы ли дни мои? Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился, прежде нежели отойду, — и уже не возвращусь, — в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма». —

Так скажу ему, богу богов, глупому, лестолюбцу, смеясь в сердце своем тому, что внимает речам моим льстивым. Много счастья получил я в возвышении; приму теперь кроху счастья от унижения: все одно мне, возлюбленному, счастливому.

Глава 11

И отвечал Софар Наамитянин, и сказал:

«Разве на множество слов нельзя дать ответа, и разве человек многоречивый прав? Пустословие твое заставит ли молчать мужей, чтобы ты глумился, и некому было постыдить тебя? Ты сказал: «суждение мое верно, и чист я в очах Твоих». Но, если бы Бог возглаголил и отверз уста Свои к тебе, и открыл тебе тайны премудрости, что тебе вдвое больше следовало бы понести! Итак знай, что Бог для тебя некоторые из беззаконий твоих предал забвению.

Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, — что можешь сделать? глубже преисподней, — что можешь узнать? Длиннее земли мера Его и шире моря. Если Он пройдет и заключит кого в оковы, и представит на суд, то кто отклонит Его? Ибо Он знает людей лживых, и видит беззаконие, и оставит ли его без внимания? Но пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому осленку.

Если ты управишь сердце твое, и прострешь к Нему руки твои, и если есть порок в руке твоей, а ты удалишь его, и не дашь беззаконию обитать в шатрах твоих, то поднимешь незапятнанное лицо твое, и будешь тверд, и не будешь бояться. Тогда забудешь горе; как о воде протекающей будешь вспоминать о нем. И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро. И будешь спокоен, ибо есть надежда; ты огражден, и можешь спать безопасно. Будешь лежать, и не будет устрашающего; и многие будут заискивать у тебя. А глаза беззаконных истают, и убежище пропадет у них; и надежда их исчезнет». —

Так говорил Софар Наамитянин, наивный, злобный: под мыслями моими прошелся чинно, и не уразумел их. Так и многие среди вас: смотрят, и не видят, слушают, и не слышат, и уразуметь воспринятое не в силах; потому

говорят они — и словно бы с собою говорят; таковы собеседники многие.

Хороши друзья у меня, Иова Счастливого: верные, утешители! Так утешили несчастного! так утешили!

Глава 12

Подлинно, только вы люди, друзья мои, и с вами умрет мудрость! — смеялся я в ответ нерадивому; Софару Наамитянину смеялся я в ответ. — И у меня есть сердце, как у вас; не ниже я вас и не выше; и кто не знает того же о себе? Посмешищем стал я для друга своего, я, со всем сущим говорящий, как с Богом, и от всего получающий ответ; ибо ведаю языки камней и деревьев. Посмешищем стал я для вас, праведный, непорочный, — так хоть посмеялись бы посмешищу моему, унылые, гневные! Так презрен, по мыслям сидящего в покое, факел, приготовленный для спотыкающегося ногами: мне ли покой, огражденность и безопасность, которые превозносите вы, мне ли заискивание льстецов, вами напророченное, — мне, своею тропею идущему, топчущему волчцы пред ногами проходящих моим следом? Покойны ли шатры у грабителей? безопасны ли язычников становища? нет, пока не примет земля их в объятия свои; а там и дарители, и богомольцы приют найдут рядом с ними. Но смотрите: жив я, как живыми вы не были; мне ли покой, духом ясному, сердцем ярому!

Что мне совет ваш! что мне заповеди богов ваших! ибо с дуновением ветра вдыхаю я свои благовония, и в языках огня вижу скрижали* священные. И подлинно: спрошу у скота, и научит меня; у птицы небесной, и возвестит мне; или побеседую с землею, и наставит меня, и скажут мне рыбы морские. Кто скажет, что мои боги хуже ваших, молчащих бессильным безмолвием? вот они, боги мои: в каждой капле того, что во мне, в каждой капле мира внешнего!

Не ухо ли разбирает слова, и не язык ли распознает вкус пищи? Что мне слушать голос богов ваших, ваших законов строки, если глаз мой видит прекрасное пред собою, а сердце творит прекрасное в себе! Что желает

* *Скрижали* — письмена.

сердце мое, то и будет благим для меня; зачем же мне зло над собою творить, против сердца идучи? Так каждый, счастье свое обретя, весь мир в себе сотворяет счастливым: таковыми, а не заботливыми, счастлив мир.

Лучше самим вершить кровь за кровь и взимать виру с убийцы за убитого брата, нежели вверять его суд царям и судиям; ибо закон хранит татей от скорой расправы, а не праведника от стрелы убийцы. Впрочем, вам, неразумным, несчастливым, законы людские — на довольство ваше ничтожное: редкий из вас, незрячих, знает язык сердца вашего, вещающего, что зло и добро едины; по сему лучше вам, родившимся на смерть, а не к жизни, следовать законам человеческим, покуда не обретете голоса сердца вашего истинного и не научитесь слушать его и следовать зову его¹³. Я же, живой, свободный, не за закон и не против: вне закона и над законом я, словно птица, парящая над полем брани, — блеском мечей люблюсь, и костями павших услаждаю свою гортань.

Сердце мое знает, что мне делать: бессмысленного зла и бестолкового добра не творю, ибо чисто сердце мое и в творении жизни, и в творении смерти. Жизнь и смерть одно мне: в творении жизни рождается смерть, и в творении смерти рождается жизнь; а если жизнь и смерть — одно, то не убоюсь умереть и убить, если сердце свое блюду чистым и дух мой не падет от нечистоты желаний: живу в себе, и Пламя мое греет тех, кто в Пламени, и обжигает тех, кто не уберется; ибо не столь важно само действие, сколь его мотивы. Если у убивающего в сердце злоба, корысть, ненависть, ревность, зависть, ярость, жестокость и все прочее, оскверняющее дух — то, что рождено страхами, — то убивающий чужое тело убивает свой дух; и убийство по приказу позорно, ибо оно — не от сердца. И хотя говорили вам отцы ваши строго: «не убий», но есть и иное, когда сердце чисто и прозрачно; тогда огонь в сердце делает чистым и то, что считается нечистым¹⁴.

Слон, идущий по траве и наступающий на мышь в движении своем, убивает мышь; но разве он зол на нее? или разве он хочет добиться чего-нибудь ее смертью? Сердце его чисто от желания убить: а если нет намерения, хорош поступок или плох? — нет поступка, есть происшествие; а происшествие — не убийство.

Волк, когда голоден, убивает лань; но разве он ненавидит лань? или разве он наслаждается ее страданиями? В сердце его — не желание причинить вред другому, а стремление насытиться: он следует необходимости, и такое убийство свято.

Олень, защищая себя и оленят, убивает барса; но разве сдаст он его шкуру кожевникам, чтобы обогатиться деньгами за нее? или завидует он барсу из-за того, что тот ест мясо и имеет ценный мех? И в его сердце — чистота и прозрачность: он защищает то, что ему дорого, и в этом — его благородство; и если он убьет, защищая то, что ему дорого, и если он будет убит, это возвысит дух его; но если победит он, то сила тела дополнит силу духа, ибо живой святой свят трижды.

И два тетерева на току, сражаясь в честном бою, могут порой и убить один другого, но в сердце их нет зла; подобно тому и убийство в состязании и на турнире — чистое убийство, поскольку сражающиеся готовы убить и готовы погибнуть, и в сердце их — не ненависть к противнику, а уважение к нему, и сражаются они по договору: когда согласны, где согласны, как согласны и чем согласны.

И если страдающий попросит облегчить страдания смертью, то милосердие наше просит вместе с ним: раненой лошади человек перережет горло из сострадания, хотя она не просит о том; собрату ли своему откажет он в этом, когда просилось? И если убийство — меньшее зло для предупреждения большего, не стоит наспех упрекать убивающего. Но стократные убийцы, не заслуживающие прощения — развязывающие войны и наживающиеся на

дурманящем, ибо они — убийцы чужих тел и душ, губители своего духа и тела.

В старцах мудрость, и в долголетних разум, — так говорили вам. Но взгляните: вот старик, но юным мудрости не нажил, а теперь остатков ума лишился. А я, мудрый, гордый, как с юных лет таким хожу, так и в старости ни йоты не утратил: что скрывать мне мудрость мою, святому, счастливому! — ибо не приучен я к ложной скромности, как и к иному ложному. Чья во мне мудрость? ваши ли боги даровали ее мне? нет, от начала был я ее обиталищем, как и каждый из вас. Нет вам совета, кроме совета Бога вашего сердца; и нет у вас разума иного. Жаждущие, обретете им воду; преграду речную иссушит он пред вами.

А ум проходящий — преходящий ум: что он разрушит, то не построится; кого заключит он, тот не высвободится. Он приводит советы необдуманые, и судей делает глупыми; он лишает перевязи царей, и поясом обвязывает чресла* их; князей лишает достоинства, и низвергает храбрых; отнимает язык у велеречивых, и старцев лишает смысла; покрывает стыдом знаменитых, и силу могучих ослабляет. Отнимает зоркость сердца ум проходящий ваш, и оставляет вас блуждать сорок лет в пустыне, где нет пути; ощупью ходите вы во тьме, без света; и шатаетесь, как пьяные, и ждете смерти, как манны небесной.

Отриньте лукавый хлам ваших писаний¹⁵, учения ваши многомудрые! В руках ваших — могущество и премудрость; в вашей воле — заблуждаться и отринуть заблуждения; умножить и истребить, собрать и рассеять, — в этом есть деяние сердца вашего, и вселенная живет в его пустоте!

* Чресла — бедра, поясница.

Глава 13

Вот, все это видело око мое, слышало ухо мое и заметило для себя. Сколько знаете вы, знаю и я; не ниже я вас. Но мне есть сила с богами вашими говорить, и могу состязаться с ними, ибо ведаю о величии своем, кое есть и у вас, вам неведомое. А вы сплетчики лжи; все вы бесполезные врачи, левиафанов ловцы неумелые. О, если бы вы только молчали! это было бы вменено вам в мудрость. Выслушайте же рассуждения мои, и вникните в возражение уст моих.

Почему говорите вы, что смешно вам видеть меня таковым — и не смеетесь? почему говорите, что нельзя смотреть на меня без слез — и не рыдаете? Лицемеры вы, и имя вам — отродья лисьи и ехидновы*! Если желаете смеяться — смейтесь, как безумные, ибо смеющихся есть Царствие Небесное; и если слезы просятся в глаза ваши — пусть вырвутся они стремительным потоком, смывая печали, ибо глубина плача глубже глубины смеха. Но на что вам, глупые, твердить о смехе и плаче, — вам, не знающим жизни и не ведающим наслаждения!

Не ради ли бога вашего говорили вы неправду? не для него ли измышляли ложь? Что же вы так лицепрятны к нему и за него так препираетесь? — не иначе как имеете с него за тяжбу! не иначе как именем его ищите владычества над людьми — племенем слабым, глупым! Вот идут они, овцы, как хозяева жизни: не отличить одну от другой; а ведь сердце каждого из малых сих таит жемчужину, их же копытами попоранную, в грязь втопанную. А вы, пастыри рода человеческого, — на что вам счастливые, сознательные? овец хотите видеть под собою, чтобы шли, куда гонит хворостина ваша и зовет ваша свирель; ибо таковых удел — полезность: снятая шкура, копченое мясо¹⁶.

* *Ехидна* — здесь: ядовитая змея, аспид; иудео-христианский символ хитрости.

Хорошо ли будет вам, когда найдется пастырь над пастырями? ибо каждый пастырь — овца в душе, дрожащая, жалкая. Испытывая их, себя испытываете; и обманывая их, обманываете себя; а сердце ваше видит лицемерие ваше: строго накажет оно ваше лицемерие! Неужели мните обмануть его и не страшитесь несчастья? но вот, рады вы, что не отнято у вас то, что имеете, и дрожите над тем, что не отнято; в страхе ли своем грезите счастьем, глупые, горделивые? Напоминания ваши подобны пеплу; оплоты ваши — оплоты глиняные. Замольте предо мною, и я буду говорить, что бы ни постигло меня.

Для чего мне терзать тело мое зубами моими и душу мою полагать в руку мою? Вот, боль терзает тело мое зубами своими; но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред путями вашими. Ибо пути мои есть пути счастья; и это уже в оправдание мне пред вами, коли жаждете вы оправдания; потому как лицемер не удержит лицемерия своего пред лицом бед своих, какие есть беды мои, яростные, прекрасные. Потому выслушайте внимательно слово мое и объяснение мое ушами вашими.

Вот, я завел судебное дело; знаю, что буду прав. Кто в состоянии оспорить меня, защитника и обвинителя, тать* и жертву, судию и свидетеля пред собою? Ибо я скоро умолкну, и испущу дух, а правда моя останется правдою. Велика воля ваших богов! двух только вещей не сотворить им: без поущения моего простереть руку свою к телу моему; и ужасом своим потрясать дух мой без воли моей. Пусть преодолют эти две, и не укроюсь от лица их, тяжестию согбенный.

Говори же, бог богов, — к небесам восклицал я пред лицами друзей моих, — говори же, и я буду тебе отвечать; или отвечай мне, когда я буду спрашивать. Сколько у меня пороков и грехов? покажи мне беззаконие мое и грех мой. Для чего скрываешь лицо твое, как нашкодив-

* *Тать* — разбойник, преступник.

ший, и считаешь меня врагом тебе, как боязливый? Если столь велик ты, как говорят жрецы твои, не сорванный ли листок я пред тобою? не сухую ли соломинку ты преломляешь, противостоя мне? Ибо ты, видно, имеешь в сердце своем горькое на меня, раз утехи юности моей и гордыню старости моей считаешь грехами: ставишь в колоду ноги тела моего, и подстерегаешь стези мои, — гонишься по следам ног моих. Вот, тело мое, как гниль, распадается; словно одежда, изъеденная молью; горе мне, если горе призову на себя за утраченную ветошь! Что тебе эта затея, глупый, гневливый, если духа моего не в силах коснуться рука твоя!

Глава 14

Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями. Как цветок, он выходит, и опадает; убегает, как тень, и не останавливается. И на него-то отверзать мне очи мои? и мне ли судиться с ним? Потому надлежит ему родиться заново, чтобы быть вровень со мною — с богами небесными вровень: не от жены, но от Пламени должно родиться ему¹⁷, — дабы счастье насытило его и не пресыщало.

Кто рождается чистым от нечистого? ни один. Если дни человеку определены, и число месяцев его не вверил он в руки свои; если боги полагают предел ему, которого не перейдет он, всемогущий, всеильный, — то пусть отдохнет, доколе не окончит, как наемник, дня своего. Как мертвый, пришел он в мир; мертвым его и покинет. Чем оправдано бытие его? что сотворил он, чего не сделал бы за него другой? ибо только этим ценен он духу своему.

Для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет, и отрасли от него выходить не престанут. Если и устарел в земле корень его, и пень его замер в пыли, но, лишь почуяло воду, оно дает отростки и пускает ветви, как бы вновь посаженное. А рожденный женой умирает, и распадается плоть его; отошел, и где он? Уходят воды из озера, и река иссякает и высыхает; до скончания неба он не пробудится, и не воспрянет от сна своего.

Так ли мне и иным, рожденным Пламенем и во Пламени? Когда умру я, буду ли опять жив? Говорят: вот была прошлая жизнь, а сейчас — жизнь иная, и иная еще придет после смерти; а иные говорят: нет жизни, кроме нынешней, и до нее была пустота, и после в пустоту уйдем¹⁸. Я же отвечу тем и другим, как знающий: жизнь — одна, и она — бесконечна. И иначе скажу им, как мудрый: нет времени, кроме мгновения, которое есть сейчас; в нем вечность моя, святого, счастливого: живу в нем и им наслаждаюсь; а что было до и что будет после, не

знаю доподлинно; и ты не знаешь, и если кто скажет тебе, что он знает, кто даст тебе уверенность в том, что его правда — это твоя правда?

Не верю в пустоту по смерти, как не верю и в жизнь за ее чертою: как поймешь огонь, что он горяч, пока не коснешься его? да и после как будешь уверен, что и огонь, и жар от него не приснились тебе? Однако если верую в пустоту после смерти, и вера моя окажется правдою, то как мне обрадоваться своей правоте, если в пустоте нет и радости? А если верую в пустоту, а смерть окажется переходом к иному, что за ней, то пойму, что ошибся, и разочаруюсь веры своей, и опечалюсь уже самой ошибке, даже если возрадуюсь новой жизни; а если и она окажется адом, то вдвойне опечалюсь. Но если верую, что смерть — не конец, и окажется вера моя верна, то обрадуюсь уже одной правоте своей, даже если новая жизнь будет хуже прежней; иначе же обрадуюсь вдвойне. Если же верую, что смерть — не конец, и ошибусь, то не пойму в пустоте, что попал в пустоту вместо жизни иной, и не смогу опечалиться из-за ошибки; ибо в пустоте и печали нет, как и радости. Потому лучше верить и ошибаться, чем не верить и оказаться правым; а если получаем по вере, то лучше верить в то, что нам приятно.

Все же я склонен думать, что та жизнь, которую глазами своими видим и своими ноздрями обоняем, лишь прекрасный цветной сон; потому и смерть — лишь переход от жизни к жизни. Впрочем, быть может, то, что в истину тебе, иное истины моей: вот скажу тебе, что жизнь — сон, — и как проверишь, доколе не проснешься? а коли будешь думать, что проснулся, почему не примешь за истину, что попал из сна в сон¹⁹? Ибо всякая истина истинна, пока не спорит с собой и пока ее нельзя опровергнуть в ней же. Лишь то, что от сердца тебе, то и истинно для тебя; иное же — только вероятность, и когда сердце твое молчит, пусть разум твой говорит, что возможно более, а что — менее.

Говорят еще мудрецы златомудрые, что верхнее подобно нижнему²⁰; и, сличив смерть с подобным, не увидим ли, что она — не конец, а переход? Так дитя нерожденное живет одной плотью с матерью в утробе ее, и наслаждается жизнью, и мир его — величиною с утробу, а глаза его слепы к миру внешнему; он ждет мига рождения и боится его, потому что рождение вырвет его из чрева, — но только в жизни прозреет он к жизни. Не так ли и человек рожденный живет одной плотью с миром внешним, который есть утроба матери его, и наслаждается жизнью? Но и его мир ограничен чувствами внешними, а к миру истинному он слеп; потом смерть, которой он страшился и к которой стремился бездумно, вырвет его из жизни в посмертие, — а как я, живой, скажу живому, что увидит он в посмертии?

Во все дни определенного мне времени я ожидаю, пока придет мне смена, чтобы в прах разрушила меня, как любимого из своих пророков. Пусть кидает она камни в мой изгнивший труп, жизнь живую славя и не чтя словеса мои, скрижали истлевшие попирая! Воззвал бы я к ним, как бог, и смеялись бы надо мною; учил бы, и не приняли бы меня, одряхлевшего. И явилось бы мне в том их благоволение; ибо исчисляли бы шаги свои мерою своею, и греха моего не подстерегали, прославляя свои грехи; в свитке были бы запечатаны законы мои и беззакония, сердца учеников моих попраные во имя своих сердец. Не даю вам закона иного и завета нового, дети Пламени моего, вольные, дерзкие; ибо есть закон и завет в сердце у вас, беззаконные, беззаветные: ветхий, старее богов, и каждое мгновение новый²¹. И что мне с того, что перекликаюсь я речами своими с пророками персидскими* и мудрецами эллинскими†! Мудр я, и не стыжусь своей мудрости; а мудрость имеет одного Учителя, мудрейшего среди прочих, коему имя — Жизнь.

* Персия — Древний Иран.

† Эллада — Древняя Греция.

Но гора, падая, разрушается; и скала сходит с места своего; вода стирает камни; разлив ее смывает земную пыль. Теснит меня время, и уйду я; изменится лицо мое, и приютом червям могильным сделаются глазницы мои. В чести ли наследники сердца моего, не узнаю; унижены ли, не замечу. Потому сладостно страдает неведомым душа моя во мне, словно плоть моя болит на мне лютой болью.

Глава 15

Между тем окружили уже нас слушающие от колен Израилевых, чтобы слушать нас — четырех стариков пререкающихся; и отвечал мне Элифаз Феманитянин, и сказал:

«Станет ли мудрый отвечать знанием пустым и наполнять чрево свое ветром палящим, оправдываться словами бесполезными и речью, не имеющею никакой силы? Да ты отложил и страх, и за малость считаешь речь к Богу. Нечестие твое настроило так уста твои, и ты избрал язык лукавых. Тебя обвиняют уста твои, а не я, и твой язык говорит против тебя.

Разве ты первым человеком родился, и прежде холмов создан? Разве совет Божий ты слышал, и привлек к себе премудрость? Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумеешь ты, чего не было бы и у нас? И седовласый и старец есть между нами, днями превышающий отца твоего. Разве малость для тебя утешения Божии? И это неизвестно тебе? К чему порывает тебя сердце твое, и к чему так гордо смотришь? Что устремляешь против Бога дух твой, и устами твоими произносишь такие речи? Что такое человек, чтобы быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Вот, Он и святым своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его: тем больше нечист и растлен человек, пьющий беззаконие, как воду.

Я буду говорить тебе, слушай меня; я расскажу тебе, что видел, что слышали мудрые и не скрыли слышанного от отцов своих, которым одним отдана была земля, и среди которых чужой не ходил: нечестивый мучит себя во все дни свои, и число лет закрыто от притеснителя. Звук ужасов в ушах его; среди мира идет на него губитель. Он не надеется спастись от тьмы; видит пред собою меч. Он скитается за куском хлеба повсюду; знает, что уже готов, в руках у него, день тьмы. Устрашает его нужда и теснота; одолевает его, как царь, приготовившийся

к битве, за то, что он простирал против Бога руку свою и противился Вседержителю, устремлялся против Него с гордою выею, под толстыми щитами своими; потому что он покрыл лицо свое жиром своим, и обложил туком* лядвеи свои. И он селится в городах разоренных, в домах, в которых не живут, которые обречены на развалины. Не пребудет он богатым, и не уцелеет имущество его, и не распрострется по земле приобретение его. Не уйдет от тьмы; отрасли его иссушит пламя, и дуновением уст своих увлечет его.

Пусть не доверяет суете заблудший, ибо суета будет и воздаянием ему. Не в свой день он скончается, и ветви его не будут зеленеть. Сбросит он, как виноградная лоза, недозревшую ягоду свою, и, как маслина, стряхнет цвет свой. Так опустеет дом нечестивого, и огонь пожрет шатры мздоимства†. Он зачал зло, и родил ложь, и утроба его приготавливает обман». —

Так говорил опять Элифаз Феманитянин, благочестивый, нечестивый; и смеялся я в душе своей смехом гневным, слушая речи его заунывные.

* Тук — потроха, внутренности, ливер.

† Мздоимство — корыстолюбие, стяжательство.

Глава 16

Слышал я много такого, я, безумец Иов; жалкие утешители все вы. Будет ли конец ветреным словам? и что побудило тебя так отвечать? И я мог бы так же говорить, как вы, если бы душа ваша была на месте души моей; ополчился бы на вас словами, и кивал бы на вас головою моею; или подкреплял бы вас языком моим, и движением губ утешал бы.

Говорю ли я: «не утоляется скорбь моя»? что отходит от меня, когда я молчу? Я покрылся морщинами во свидетельство правоты моей; нет семьи моей, но не умерла во мне любовь к близким моим; поэтому радуюсь вместе с ними по смерти их, как радовался с ними по жизни. В пепле и нечистотах восхваляю я миг настоящего, и, побиваем камнями, буду петь осанну* жизни.

Пусть терзает меня и враждует против меня гнев ваш, вы, нищие, жалкие! Неприятель мой острит на меня глаза свои, скрежещет на меня зубами своими; так и будет с ним плач глаз и скрежет зубовный²², коими покрывает себя в безрадостности и в унынье. Разинули на меня пасть свою; ругаясь, бьют меня по щекам, сговорившись против меня. Глупые: ибо ударившему по щеке левой смело подставляю щеку правую я, неуязвленный, неуязвимый, дабы усомнился он в правоте своей несомненной; но ударившему снова припасу добрую затрещину в доброте своей, в милосердии²³! Ибо страхом движима рука его, а вторично — страхом немалым: страхом праведного против святого; пусть же будет не напрасным страх его предо мною! Таковому имя — нечестивец и беззаконник: в руки его предаю я дух свой, дабы руками своими возвысился он чрез меня.

Грех мой велик, ибо я безгрешен: кто подобен мне, бесподобному, царю над сынами гордости, Ловцу Левиафанов? Ты ли, страдающий в радости и в страдании?

* *Осанна* — торжественная песнь, восхваление.

имя тебе — лицемер и порождение ехидново, коли праведными делами ищешь доброго слова и теплого места! Вот тебе знак верный виновности твоей пред тобою; ибо потерпевший всегда виновен, а ты — потерпевший и терпящий бедствие. Деяния твои говорят за тебя, но мысль твоя обличает тебя; вот, плачешь, и стенаешь, и проклинаешь диаволов, и молишь богов о спасении: это и есть кара тебе, унижающая вину твою; грех же твой, достойный без сомнения кары таковой и худшей из худших — в том, что не научил ты себя принимать бытие за праздник, и наслаждаться радостью, и наслаждаться болью.

Был бы я богом, должно было бы мне покарать тебя за грех, столь великий; но сам себя караешь ты жадностью, ревностью, гневом, обидой, нищетой духа и муками совести; и злейший из диаволов в коварстве своем не придумал бы тебе ада страшнее, чем ты сотворил в жажде иного для себя. А я и в болезни и в бедности весел и бодр, бодр и весел в печали своей; а не имущий кары горестной не имеет и вины на себе пред собою.

Хранящий закон божий и закон человеческий выше закона сердца своего возводит себе темницу неодолимую, и тенета* паучьи плетет он кругом себя; ибо даже преступив закон, наказывает себя по закону. Потому следующий закону и трепещущий пред законом не меньший преступник преступающего закон. Но свят тот, кто не ведает закона иного, кроме закона сердца своего: если делает по закону, то не во имя закона, и если делает вопреки закону, то не против закона. Таковой убивает — и как бы спасает; спасает — и как бы убивает; ибо легок он и пуст, и чист от сомнений, и не ждет воздаяния за дела свои ни от людей, ни от богов, ни со страхом, ни с вожделением.

Был я спокоен; потрясенный, спокойным остался; за шею взятый, избитый, не предал счастья своего и остался

* *Тенета* — сеть, паутина.

невозмутим. Каково мне, коли ваш вседержитель выбрал меня целью себе, бестолковый, бесцельный? — грош цена мне, если не увижу я радости быть мишенью для стрел его! Окружили меня стрельцы его; он рассекает внутренности мои, и не щадит; что же мне щадить его! Он пролил на землю желчь мою; вот ему чаша гнева моего — речи мои желчные! Пробивает он во мне пролом за проломом; бежит на меня, как ратоборец. Вретище сшил я на кожу мою, и в прахе лежит голова моя — прах от праха земного. Плачем и смехом багровеет лицо мое; ибо верящий в смех сквозь слезы поверит и в смех до слез. Тень смерти на веждах* моих, хотя нет хищения в руках моих: у кого мне хитить, если я — творец мира, лежащего на моих ладонях? Потому чиста молитва моя, ибо высочайшего из богов благодарю я в ней за ниспосланное мне: к себе взываю я в молитве моей, себя хвалю и себя проклиная.

Земля! не закрой моей крови, и да не будет места воплю моему. И ныне, вот, на небесах свидетель мой, и заступник мой в вышних; ибо небеса мои — в сердце моем: где сыскать свидетеля вернее, защитника надежнее! Многоречивые друзья мои! К Богу, единственному истинному из своры богов, слезит око мое и звенит мой смех: я — Бог мой единый, и да не будет мне богов иных вне меня! К чему состязаться мне с богами иными, как Сыну Человеческому²⁴ с близким своим? Все, что есть у богов, взято ими от меня, и приткость их не вредит мне; ибо вашим богам я — соринка в глазу, а они мне — того меньше.

* *Вежди* — веки.

Глава 17

Видно, приходит конец летам моим, и я отхожу в путь невозвратный. Дыхание мое ослабело, дни мои угасают, гробы предо мною; как прекрасна осень угасания моего! Пребывает спокойно око мое среди споров друзей моих, среди их неумных насмешек. Ты, кто свободный среди овец! заступись, поручись сам за себя пред собою! иначе кто поручится за тебя? Ибо слепые сами держат сердце свое от разумения и не дают восторжествовать своему счастью; и как слепец, ведущий слепца, не устоит пред бездной, так и зрячий, ведущий зрячего от пропасти, слепцу подобен: кто он, чтобы мешать другому упасть! Потому не веду за собою жаждущих погибели в путях желаний и привязанностей; а иные пройдут свой Путь и без поводыря.

Кто обрекает друзей своих в добычу, глаза у того истают; а каждый живущий — друг мне, пока упорно не настоит на обратном; потому кто я, пустой, нелепый, чтобы лишать людей той погибели, которую они возжелали! И слова мои — не в назидание, как и не в оправдание: что чувствую я в миг сей, то и ложится на уста мои; услада ушей моих для меня речи мои! Притчею для народа и посмешищем для него пусть буду я деяниями моими, ибо пусть смеются, нежели рыдают: что ложится на сердце мое, то и творю, и не думаю, на зло ли, на благо ли. Делаю меньшее из достаточного: это и есть необходимое, а иное суть плоды лукавого. Потому подобен я огню и солнцу, ибо побеги юные растут и сохнут в моих руках; что мне дела до побегов, мне, пламенному, яростному!

Так и иное солнечными лучами на кожу ловлю я: усилий не прилагаю, как насилия над собою и миром внешним; а что мне нужно, само ложится в ноги мои. Вот знак, и не будет мне знаков иных: не ищущу, да найдется; не стучу, ибо открыто. В чем имеется мне нужда, приходит; а коли не пришло, то и не было в том неизбежности. Что

пришло, то и требуется для меня; а мне лишь должно понять, чем пришедшее в помощь мне, и принять его, как лучшего из гостей.

В чем успех мне, что помутилось от горести око мое? где радость, что все члены мои, словно тени? Изумятся о сем праведные, и невинный вознегодует на лицемера, коему мать — ехидна, и лисьи отпрыски — братьями, — на лицемера, ликующего и благодарного в достатке и в здравии, в почете и в славе, но богов и себя клянущего в падении! Но святой будет крепко держаться Пути своего, и чистый сердцем будет больше и больше утверждаться, и нет ему различия между радостью и печалью, лютой болью и любовной негою; в том и счастье горести моей, что выделяет она меня из толпы сыновей ехидновых; в том и свет для меня от нее, что и в ней остаюсь собою, святым и счастливым.

Выступайте все вы, — и подойдите; не найду я мудрого между вами. Дни мои прошли; думы мои — достояние сердца моего — минули; ибо жду я идущего за мною не моими следами, готового растоптать меня, и прах мой развеять по ветру: приготовлю Путь ему, прямыми сделаю стези его²⁵. Ночь превратит он в день, и свет приблизит к лицу тьмы; с ног на голову и с головы на ноги перевернет он привычное в глазах овец, чтобы копыта облеклись когтями, и агнцы обратились козлищами. А в ожидании моем и преисподняя — милый дом для меня; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: «ты отец мой», червю: «ты мать моя и сестра моя». Где же после этого будет надежда моя? и ожидаемое мною кто увидит, если сам я убую свое счастье унынием? В преисподнюю сойдет она, и будет покоиться со мною во прахе.

Глава 18

И отвечал Вилдад Савхеянин, и сказал:

«Когда же положите вы конец таким речам? обдумайте, и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших? О, ты, раздирающий душу твою в гневе твоём! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего?

Да, свет у незаконного потухнет, и не останется искры от огня его. Померкнет свет в шатре его, и светильник его угаснет над ним. Сократятся шаги могущества его, и низложит его собственный замысел его. Ибо он попадет в сеть своими ногами, и по тенетам ходить будет. Петля зацепит за ногу его, и грабитель уловит его. Скрытно разложены по земле силки для него и западни на дороге. Со всех сторон будут страшить его ужасы, и заставят его бросаться туда и сюда. Истощится от голода сила его, и гибель готова, с боку у него. Съест члены тела его, съест члены его первенец смерти. Изгнана будет из шатра его надежда его, и это низведет его к царю ужасов. Поселятся в шатре его, потому что он уже не его; жилище его посыпано будет серою. Снизу подсохнут корни его; и сверху увянут ветви его. Память о нем исчезнет с земли, и имени его не будет на площади. Изгонят его из света во тьму, и сотрут его с лица земли. Ни сына его, ни внука не будет в народе его; и никого не останется в жилищах его. О дне его ужаснутся потомки, и современники будут объяты трепетом.

Таковы жилища незаконного, и таково место того, кто не знает Бога». —

Так говорил Вилдад Савхеянин, проклиная меня и трепеща предо мною; и себя живого, таящегося в сердце, боялся он не менее.

Глава 19

Доколе не прекратите пытаться мучить душу мою и терзать меня речами? Вот, уже раз десять сразили бы вы меня, вступи я с вами в бой речами своими; благо, что хоть не стыдитесь теснить меня: только в том вам и оправдание пред лицом вашим, что сердца ваши говорят с вами. Если я действительно погрешил, то погрешность моя при мне и остается. Если же вы хотите повеличаться надо мною и упрекнуть меня позором моим, то знайте, что за Бог ниспроверг меня и обложил меня своею сетью; Иов Счастливей — вот имя Богу сему: как же вам величаться пред ним, если в его руках возвысить меня и опозорить меня, а в ваших — только рвать глотки в безнадежных упреках и похвальбах?

Вот, я кричу: «обида!» и никто не слушает; вопию, и нет суда. Не устану ли тогда кричать? не прекратится ли тогда вопль мой, если знаю, что вне меня никто не имеет слуха на стенания мои? Вот, чья-то тень преграждает дорогу мою, кладет тьму на стезю мою; не моя ли это тень, коли неотступна от меня? А иначе кто столь всемогущ, чтобы пресечь безграничность моих просторов! Потому совлеку с себя славу мою, и сниму венец с головы моей: на что мне слава, на что мне венец? пред кем быть мне царем, — мне, не имеющему царя в голове своей²⁶, никому, кроме сердца, не служащему?

Разор царит кругом меня, и я отхожу; исторгнута, как дерево, надежда моя; ибо надежда суть страх о будущем, как и вера суть страх о прошедшем. А в любви нет страха, ибо она — дитя настоящего: ее Вчера минуло, ее Завтра только грезится; да и Сегодня — миг невесомый: какой страх может быть в нем! Вы же, дети страха, творите разор вокруг себя: распластались между грядущим и минувшим, и суетитесь между ними, теряя то, что рукам вашим причитается. Страшитесь будущего, ибо оно неизвестно; терзаетесь прошлым, ибо его не исправить; пугаетесь настоящего, ибо оно ускользает из рук. Как лю-

бить вам тогда, пугливым? — пылаете гневом своим, а счастливых считаете между врагами своими.

Братья мои удалились от меня, и знающие меня чуждаются меня. Вот оно, их благословение: нет ныне для них меня, в чьей тени чахли и сохли ростки их сердец, — меня, счастливого, чтобы мне завидовать, и меня, свободного, чтобы меня ненавидеть! Теперь не следят за жестами рук моих и не слушают звуков голоса моего: своими руками творят себе радости и горести. Пусть и гибнут без меня, коли нет им силы возвыситься! но трижды возвысятся, если своими руками погибнут.

Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня. И на что им помнить меня, мимолетного! словно лист осенний, пролечу и паду, чтобы созреть и вскормить семена. Что помнить меня, удобрившего их ростки! а удушившего семена в прении своем и того меньше упомнят.

Пришлые в дому моем и служанки мои чужим считают меня; посторонним стал я в глазах их. Слава им! ибо они прозрели; одинокими приходим мы в мир, одинокими его покидаем: где же тут те, что не будут чужими для нас? Явился я как чужак для отца своего и для матери своей, чтобы ниспровергнуть их устои; ибо устои родительского дома мертвы с приходом наследника. И дети мои явились мне чужаками, и братья мои родные — сторонние для меня; что же речи о пришлых и о наемных! Мною и тяготами моими всеблагими открылись глаза их: ныне знают они цену своей чуждости, пусть познают и избранность свою; ибо лишь чуждый всем может быть избранным для себя.

Зову слугу моего, и он не откликается; свят он, если своими руками вершит ныне жизнь свою. Но пусть не возгордится унижению своему, и господином себя не мнит: буду ли умолять его устами моими? — нет; и отринувшего просьбу мою не почту свободным: раб он, и раб господства своего, и в господстве рабом остается.

Иначе, если не мелкая обида, а твердая воля ведет стопу его от меня; ибо ко мне приблизится он, уходя.

Дыхание мое опротивело жене моей, глупой, нежной: ушли дети чрева моего в неведомое; не время ли зачинать новых, чтобы втоптали в грязь отца своего и мать свою? Что же ты, милая, возлюбленная моя! все равно я люблю тебя, преданная, предающая; ибо любовь моя подобна счастью моему: нет ей причины и оправдания, потому нет ей и погибели, вечной каждый миг, каждый раз единственной. Преклонные года мои не преклонили тела моего; преклонят ли дух мой болезни и немощи? Любящую любил, и брезгующую не отрину; жди, ибо ради тебя готов я сбросить язвы с тела моего неуязвимого и печаль с души моей беспечальной!

Даже малые дети презирают меня; поднимаюсь, и они издеваются надо мною. Вот, вижу в них верных учеников своих; ибо и я славил здоровье и презирал болезнь, любил молодость и над старостью издевался. Добро, если и они, издеваясь, познают любовь, и в презрении возрастят прославление.

Гнушаются мною все наперсники мои; и те, которых я любил, обратились против меня. Будет ли это мне поводом не любить их? — нет, ибо смерть для мертвого — не повод живому переставать жить. Просто любить влюбленного: оттого и удовольствие этого менее; но, возлюбя ненавистника и возрадуясь приходу гнушающегося, стократное удовольствие сплетаешь в сердце своем.

Кости мои прилипли к коже моей и плоти моей, и я остался только с кожей около зубов моих. Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои: разве не видно вам, что рука божия коснулась меня? потому и свят я, блаженный, счастливый. Зачем вы, богоподобные, преследуете меня? Плотию мою не можете вы насытиться, ибо ваша сыть — плоть ваша²⁷.

О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге, резцом железным с оловом,

— на вечное время на камне вырезаны были! Но и тогда найдутся книжники и законники²⁸, и каленым резцом вырежут слово мое о счастье, оставив лишь слово мое о страдании. И включают они слово мое в свои писания, и скажут: «Так поведал Бог о страданиях раба своего, и о долготерпении его, и о верности его Господу своему!»²⁹ Лгуны! лгуны, — говорю я вам; имя вам — ложь и отец лжи. Соберу я таблицы ваши медные и скрижали глиняные, и первые брошу в печь, а вторые разобью о камень: нет и слова истины в проповедях страждущего! ибо истина делает счастливыми.

Но живым пребудет во веки певец мой³⁰, и он в последний день восставит из праха распадающееся слово мое; и узрят пришедшие следом Бога во плоти своей. Своими глазами, не глазами жрецов и книжников, узрят они Бога; в сердце своем узрят они его. Истаевает сердце в груди моей в предвкушении сего!

Вам надлежало бы сказать: «зачем мы преследуем его?» Как будто корень зла найден во мне. Убойтесь меча, ибо меч в устах моих — отмститель неправды; и знайте, что суд есть.

Глава 20

И отвечал Софар Наамитянин, и сказал:

«Размышления мои побуждают меня отвечать, и я поспеваю выразить их. Упрек, позорный для меня, выслушал я, и дух разумения моего ответит за меня.

Разве не знаешь ты, что от века, с того времени, как поставлен человек на земле, веселие беззаконных кратковременно, и радость лицемера мгновенна? Хотя бы возросло до небес величие его, и голова его касалась облаков: как помет его, на веки пропадает он; видевшие его скажут: «где он?» Как сон, улетит, и не найдут его; и, как ночное видение, исчезнет. Глаз, видевший его, больше не увидит его, и уже не усмотрит его место его. Сыновья его будут заискивать у нищих, и руки его возвратят похищенное им. Кости его наполнены грехами юности его, и с ним лягут они в прах.

Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим, бережет и не бросает его, а держит его в устах своих: то эта пища его в утробе его превратится в желчь аспидов* внутри его. Имение, которое он глотал, изблюет: Бог исторгнет его из чрева его. Змеиный яд он сосет; умертвит его язык ехидны.

Не видать ему ручьев, рек, текущих медом и молоком! Нажитое трудом возвратит, не проглотит; по мере имения его будет и расплата его, а он не порадуется. Ибо он угнетал, отсылал бедных; захватывал дома, которых не строил. Не знал сытости во чреве своем; и в жадности своей не щадил ничего. Ничего не спасалось от обжорства его; за то не устоит счастье его. В полноте изобилия будет тесно ему; всякая рука обиженного поднимется на него.

Когда будет чем наполнить утробу его, Он пошлет на него ярость гнева Своего, и одождит на него болезни в плоти его. Убежит ли он от оружия железного, — прон-

* *Аспид* — ядовитая змея, кобра.

зит его лук медный; станет вынимать стрелу, — и она выйдет из тела, выйдет, сверкая сквозь желчь его; ужасы смерти найдут на него! Все мрачное сокрыто внутри его; будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый; зло постигнет и оставшееся в шатре его. Небо откроет беззаконие его, и земля восстанет против него. Исчезнет стяжание дома его; все расплывется в день гнева Его.

Вот удел человеку беззаконному от Бога, и наследие, определенное ему Вседержителем!» —

Так говорил Софар Наамитянин языком своим червивым; вот и третий из троих пророчит проклятия на плешивую мою голову! И все менее мне оттого охота тянуть на себе тяготы мои: вот, скоро свергну с себя язвы мои, дабы уязвить насмехателей!

Глава 21

Выслушайте внимательно речь мою, и это будет мне утешением от вас. Потерпите меня, и я буду говорить; а после того, как поговорю, насмехайся, друг мой, ибо достойнее смеяться тебе, нежели плакать. Разве к человеку речь моя? как же мне и не малодушенствовать, если подобие человека в облике овечьем вижу пред собою? Посмотрите на меня, и ужаснитесь себе, и положите перст на уста. Лишь только я вспомню, содрогаюсь, и трепет объемлет тело мое.

Почему незаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Дети их с ними пред лицами их, и внуки их пред глазами их. Дома их безопасны от страха, и нет жезла божия на них; ибо лишь лучшие из людей способны преступить законы божеские и человеческие, и таковые творят себе благо из праха. Вол их оплодотворяет, и не извергает; корова их зачинает, и не выкидывает. Как стадо выпускают они малюток своих, и дети их прыгают; потому что сами они детям подобны, гнева родительского не страшась и играя в игрушки свои по законам своего беззакония. Восклицают они под голос тимпана* и цитры†, и веселятся при звуках свирели. Проводят дни свои счастливыми, и мгновенно нисходят в преисподнюю; но тем и святы они, порочные, что не предают счастья за малую цену ради райских кущ и славословия потомков. А между тем говорят они богам: «отойдите от нас; не хотим мы знать путей ваших! Что Вседержитель, чтобы нам служить ему! и что пользы прибегать к нему!» Видишь, счастье их не от их рук — не от рук богов ваших немощных. — Совет нечестивых будь далек от меня, но да исполнится чаша счастья моего непорочного.

Часто ли угасает светильник у незаконных, и находит на них беда, и даются в удел им страдания? Они

* *Тимпан* — старинное название бубна, барабана, литавры.

† *Цитра* — струнный щипковый музыкальный инструмент.

должны быть, как соломинка пред ветром и как плева, уносимая вихрем, если верить в сказания ваши нелепые! Скажешь: «Бог бережет для детей его несчастье его». — Но что таковому несчастья детей его? пусть воздаст бог ему самому, чтобы он это знал. Пусть бы глаза его увидели несчастье его, и пусть бы сам он пил от гнева вседержителя. Ибо какая ему забота, счастливому, до дома своего после него, когда число месяцев его кончится? Но слаб бог мышцою и тонок кишкою³¹ пред человеком свободным, счастливым, дабы простереть длани свои к нему и отнять его счастье; а беспомощным потугам отыгаться на детях нет цены.

Но бога ли учить мудрости, когда он судит в горни^{*}? Откуда знать ему, что один умирает в самой полноте сил своих, совершенно спокойный и мирный! внутренности его полны жира, и кости его напоены мозгом. А другой умирает с душою огорченною, не вкусив добра. И они вместе будут лежать во прахе, и червь покроет их, злого и доброго не различая; ибо оба стали ныне мирными и спокойными. Так чем же разнятся эти двое? грехами ли своими и поступками праведными? — нет, ибо не вкусили ни с тех, ни с других; но тем, и тем только, что первый пожил в радость себе, а второй влачил свою жизнь как тяжкую ношу, которую тяжело тащить и жалко бросить.

Знаю я ваши мысли и ухищрения, какие вы против меня сплетаете. Вы скажете: «где дом князя, и где шатер, в котором жили беззаконные?» Разве вы не спрашивали у путешественников и незнакомы с их наблюдениями, что в день гибели пощажен бывает злодей, в день гнева отводится в сторону? Кто представит ему пред лицо Путь его, и кто воздаст ему за то, что он делал? Его провожают ко гробам; и на его могиле ставят стражу. Сладки для него глыбы долины, и за ним идет толпа людей, а идущим пред ним нет числа.

^{*} В горни^х — в небесах, в вышине.

Да и где шатер, в котором жили законники, жившие до вас? Не рядом ли с беззаконными лежат кости их, и не те же черви вползают в глазницы их? — только что им с того, тем и другим! Кто жил со счастьем, тот и от смерти вкушает со счастьем; а кто жил как труп гниющий, себе не в радость, тому и смерть не станет утешителем.

Как же вы хотите после того утешать меня пустым?
В ваших ответах остается одна ложь.

Глава 22

Между тем собрались уж толпы вокруг нас, стариков; и юные были среди них, что отрадно мне, сердцем юному: ибо юные готовы впитывать доброе, равно как и злое, и нет для них различия между тем и иным.

И отвечал мне Элифаз Феманитянин, и сказал:

«Разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода оттого, что ты содержишь пути твои в непорочности? Неужели Он, боясь тебя, вступит с тобою в состязание, пойдет судиться с тобою?

Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца. Верно, ты брал залогов от братьев твоих ни за что, и с полунагих снимал одежду. Утомленному жаждою не подавал воды напиться, и голодному отказывал в хлебе; а человеку сильному ты давал землю, и сановитый селился на ней. Вдов ты отсылал ни с чем, и сирот оставлял с пустыми руками. За то вокруг тебя петли, и возмутил тебя неожиданный ужас, или тьма, в которой ты ничего не видишь, и множество вод покрыло тебя.

Не превыше ли небес Бог? посмотри вверх на звезды, как они высоки! И ты говоришь: «что знает Бог? может ли он судить сквозь мрак? Облака — завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу». Неужели ты держишься пути древних, по которому шли люди беззаконные, которые преждевременно были истреблены, когда вода разлилась под основание их? Они говорили Богу: «отойди от нас»; и что делает им Вседержитель? А Он наполнял дома их добром. Но совет нечестивых будь далек от меня!

Видели праведники, и радовались, и непорочный смеялся им: враг наш истреблен, а оставшееся после них пожрал огонь. Сблизься же с Ним, и будешь спокоен; чрез это придет к тебе добро. Прими из уст Его закон, и положи слова Его в сердце твое. Если ты обратишься к

Вседержителю, то вновь устроишься, удалишь беззаконие от шатра твоего. И будешь вменять в прах блестящий металл, и в камни потоков золото Офирское. И будет Вседержитель твоим золотом и блестящим серебром у тебя. Ибо тогда будешь радоваться о Вседержителе, и поднимешь к Богу лицо твое. Помолишься Ему, и Он услышит тебя, и ты исполнишь обеты твои. Положишь намерение, и оно состоится у тебя; и над путями твоими будет сиять свет. Когда кто уничижен будет, ты скажешь: «возвышение!» и Он спасет поникшего лицом; избавит и небезвинного; и он спасется чистотою рук твоих». —

Так говорил Элифаз Феманитянин; как мудрый, начал он, но как глупец закончил.

Глава 23

Еще и ныне горька речь моя, — плакал я об Элифазе. — Еще и ныне горька речь моя, и страдания мои о вас тяжелее стонов моих; ибо велико страдание счастливого при виде унылых, и приумножает оно счастье счастливого. О, если бы видел я дорогу к Богу стороной от себя, и мог бы подойти к престолу его, глядя в мир внешний! Я изложил бы пред ним дело мое, и он уверовал бы в счастье и сделался бы чрез меня счастливым и безучастным; узнал бы я слова, какими он ответит мне, и понял бы, что он скажет мне.

Но жалки были бы его оправдания предо мною, ибо только несчастливый может быть повинен в несчастиях: неужели он в полном могуществе стал бы состязаться со мною? О, нет! Ибо воистину могущественным нет нужды в состязаниях, а применяющий силу слаб: растрчивает впустую, и пожнет себе волчцы* и тернии†, которые сеял в неразумении своем. Но пусть бы только обратил на меня внимание свое; ибо взгляда на счастливого довольно разумному, чтобы приумножить счастье свое. Тогда мог бы сразиться со святыми и повергнуть их в прах³², — но на что счастливому сражаться и повергать? достаточно ему того, что в нем, и унижением других себя не возвышает.

Но вот, я иду вперед, и нет его, назад — и не нахожу его; делает ли он что на левой стороне, я не вижу; скрывается ли на правой, не усматриваю. Но если живет он в стороне неведомой от меня и знает Путь мой — не буду отрицать того, ибо не верю ни во что и ни в чем не сомневаюсь³³, но отвечаю словом на слово, деянием на деяние и фантазией на фантазию; но если живет он в стороне неведомой от меня и знает Путь мой, пусть испытает меня, — выйду, как золото; ибо золото я и есть и бле-

* Волчцы — колючие травы.

† Терн (терновник) — дикая слива с колючими ветвями.

стящее серебро мое: на что вменять мне таковое в прах и в камни потоков? Нога моя твердо держится на стезях моих; пути свои я храню, и порицания и похвалы мне не более, чем легкий бриз с побережья морского: сдуют пыль и овеют волосы, но корней не вырвут и с дороги не собьют. А если и припомнит он, дотошный, что не следил я за устами его, произносящими заповеди его, и за стилем* его, начертающим их в скрижалях, — то пусть учтет он, что не шел я и против него, свободный от двух дорог; глаголы† уст его хранил я не меньше, нежели мои правила, и не больше оных, — да и те не хранил вовсе, ибо нет мне правил, а живу я, ветру подобный.

Но он тверд в ослином своем упрямстве, и тем отделяет себя от мира живущих; и кто отклонит его, если сам себя отклонил уже? Служители его вершат волю его, но сам он следует воле своих служителей. Так, он выполнит положенное мне; ибо что мне, если и стану на миг единый в числе служителей его, дабы он послужил мне? Так и в пламя костра подкину я поленья, служа ему с трепетом сердца, дабы согреться холодным утром и приготовить пищу для чрева своего; и подобного этому много у него.

Зачем он не уничтожил меня прежде этой тьмы, и не сокрыл мрака от лица моего! Ибо ныне вкусил я от тьмы и мрака, чтобы в прах повергнуть устои создавшего меня, как верный ученик божественного. Потому и трепещу я пред лицом его, что ниспослал его себе помощником в делах моих земных; размышляю, и страшусь его мыслями своими крепкими, и люблю его сердцем своим расслабленным; а Иову, сидящему в сердце моем, что за дело до него, ничтожного вседержителя! Как былинка‡, колеблется Иов с дыханием небесным, и к солнечным лучам тянет лепестки свои.

* *Стило* — палочка для письма.

† *Глаголы* — здесь: слова.

‡ *Былинка* — травинка.

Глава 24

Почему не сокрыты от вседержителя времена, и лепечущие о божественном не знают его? Межи передвигают, угоняют стада, и пасут у себя. У сирот уводят осла, у вдовы берут в залог вола. Бедных сталкивают с дороги, все униженные земли принуждены скрываться. Не среди таковых ли числите меня, друзья мои? Но у самого меня увели, и не ропщу; столкнули, и не сожалею. Вот они, беззаконники, как дикие ослы в пустыне, выходят на дело свое, вставая рано на добычу; степь дает хлеб для них и для детей их. Жнут они на поле не своем, и собирают виноград у нечестивца; нагие ночуют без покрова и без одеяния на стуже; мокнут от горных дождей, и, не имея убежища, жмутся к скале.

Порою и мне хотелось бы быть среди них, вольно живущих вдали от ваших мертвых законов; чтобы было мне силы не покрываться в холода и смелости обирать виноградники; чтобы радоваться горным дождям и крови врага, и текущей добыче, и стреле сторожей, глядящей из раны в плече. Но не такой я, к радости ли, к печали: отгоняют они от сосцов сироту, и с нищего берут залог, — а я давал в богатстве своем от изобилия своего; заставляют ходить нагими, без одеяния, и голодных кормят колосьями, — а я был верен себе и не глумился над иноверцами, дабы шли они своими путями и верили в то, к чему лежат их сердца; между стенами выжимают масло оливковое, топчут в точилах, и жаждут, — а мне довольно и малого.

В городе люди стонут, и душа убиваемых вопиет, и никто не воспрещает того. Есть из них враги света, не знают путей его, и не ходят по стезям его. С рассветом встает убийца, умерщвляет бедного и нищего, а ночью бывает вором. И око прелюбодея ждет сумерков, говоря: «ничей глаз не увидит меня», — и закрывает лицо. В темноте подкапываются под дома, которые днем они заметили для себя; не знают света. Ибо для них утро —

смертная тень, так как они знакомы с ужасами смертной тени. Но уж лучше для них быть им друзьями сатане, чем рабами бога; и любящий диавола выше боящегося бога, ибо любовь возвышает, а страх унижает.

Легок такой на поверхности воды: легок, как жизнь его беззаботная; проклята часть его на земле; и не смотрит он на дорогу садов виноградных. Засуха и жары поглощают снежную воду; так преисподняя — грешников. Но не раскаются познавшие счастье, ибо сами избрали свою стезю; потому милым домом будет для них преисподняя, и за счастье почтут они общение в ней с таковыми же; ибо небеса полны овец, а людей дом — ад, их руками возделанный, обращенный в райские кущи^{*34}.

Пусть забудет праведного утроба матери; пусть лакомится им червь; пусть не остается о нем память; как дерево, пусть сломится беззаконник, который угнетает бездетную, не рождавшую, и вдове не делает добра; но святой да пребудет во веки, ибо добро творит не в доброте, и зло — не со злости. Он и сильных увлекает своею силою; он встает, и никто не уверен за жизнь свою. И он имеет все для безопасности, и он на то опирается, и очи его видят пути земные.

Иные поднялись высоко, — и вот, нет их; падают и умирают, как и все, и, как верхушки колосьев, срезываются; а святой пребудет вечно, ибо вечно его мгновение. Если это не так, кто обличит меня во лжи и в ничто обратит речь мою? Ибо только такого признаю я сыном духа своего.

* *Кущи* — сады.

Глава 25

И отвечал Вилдад Савхейнин, и сказал:

«Держава и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих! Есть ли счет воинствам Его? и над кем не восходит свет Его? И как человеку быть правым пред Богом, и как быть чистым рожденному женщиною? Вот даже луна, и та несветла, и звезды нечисты пред очами Его. Тем менее человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль». —

Так говорил Вилдад Савхейнин: так говорил он, многоречивый; ибо иссяк источник его златомудрия.

Глава 26

Как ты помог бессильному, поддержал руку немощного! — смеялся я над Вилдадом. — Какой совет подал ты немудрому, и как во всей полноте объяснил дело! Кому ты говорил эти слова, и чей дух исходит от тебя? — ибо твоего не вижу в речах твоих.

Рефаимы* трепещут под водами и живущие в них. Преисподняя обнажена пред гласом твоего духа, и нет покрывала Аваддону. Ты, только ты распростер свой север над пустотою; ты, только ты повесил землю свою ни на чем. В твоих руках воды и облака; столь невесом ты, что облака не расседаются под тобою величием твоим.

Твой престол стоит на облаках твоих, ибо ты умеешь летать³⁵; а ты свой дар променял на ползание червяка и раковину улитки. Черту поставил ты над поверхностью вод своих, и свет свой оградил тьмою привнесенной. Столпы небес дрожат ныне под тобою, тяжелым мыслию, нелегким в чувствах, и грозы твои ужасают богов твоих. Силою твоею волнуется море твоего счастья, и разум твой сражается дерзостью твоих левиафанов.

Неужто не видишь великолепия неба от духа твоего? медлительная черепаха и быстрый скорпион — дети рук твоего сердца. Вот, это часть путей твоих; и как мало ты помнишь о них! Гром могущества своего не разумеешь, и не имешь в себе блаженства своего первородного.

* *Рефаимы* — согласно ветхозаветным преданиям, древнейшие обитатели Ханаана, люди исполинского роста и огромной физической силы; один из них — побежденный Давидом Голиаф.

Глава Блаженства

Другие уста скажут тебе о блаженстве от бога³⁶; ныне я говорю тебе о блаженстве от себя.

Блаженны безумные, ибо они ведают счастье.

Блаженны падшие, ибо они пришли с небес.

Блаженны преступившие, ибо они стоят в начале Пути.

Блаженны бескорыстные убийцы, ибо они презирают смерть.

Блаженны крадущие с чистыми руками, ибо они не верят во власть вещей.

Блаженны обреченные, ибо их есть единственная дорога.

Блаженны равнодушные, ибо душа их — гладь озерная.

Блаженны предающие, ибо не помнят прошлого, и верные, ибо не страшатся будущего.

Блаженны молчаливые, ибо они творят Тишину.

Блаженны гонители правды, ибо дерзость их говорит за них.

Блаженны нищие, ибо им нечего терять.

Блаженны бесстрашные, ибо таковым открыты дороги.

Блаженны здоровые телом, ибо готовят здоровье духу³⁷.

Блаженны странники, ибо не ведают приюта.

Блаженны неблагодарные, ибо они откровенны.

Блаженны говорящие «да», ибо утверждают жизнь, и говорящие «нет», ибо утверждают свободу.

Блаженны малые дети, ибо еще не успели убить себя.

Блаженны певцы и поэты Смерти, ибо они есть певцы и поэты Жизни.

Блаженны живущие для себя, ибо чрез них приходит в мир счастье.

Блаженны смеющиеся, ибо смех — добрая зараза.

Блаженны целомудренные и прелюбодеи, ибо отреклись от чужих законов.

Блаженны верные путям своим, ибо таковые живы среди мертвецов.

Блаженны гордые, ибо их есть престол небесный.

Блаженны еретики и язычники, ибо не сотворили кумира в сердце своем.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят³⁸.

Блаженны вы, которые верят в блаженство свое и живут сообразно с ним!

И иные блаженны, хотя и не все знают этого о себе; ибо такова суть вещей: не родилось еще несовершенства в этом совершенном мире!

Глава 27

Жив дух божий во мне, лишивший суда меня, неподсудного: не судим я, ибо даже себя не сужу; жив он, доколе еще дыхание мое во мне. Не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи, ибо сказанное мною — правда моя.

Далек я от того, чтобы признать вас справедливыми, друзья мои; доколе не умру, не уступлю непорочности моей. А как умру, то что мне в непорочности моей! топчите ее, ибо прах она и пыль земная. Крепко держал я правду мою, и не отпущу ее; не укорит меня сердце мое во все дни мои. Враг мой будет предо мною, как нечестивец, и восстающий на меня, как беззаконник. Ибо какая надежда лицемеру, исторгающему душу свою в преисподнюю своего лицемерия? Услышит ли бог вопль его, когда придет на него беда? Будет ли он утешаться вседержителем и призывать бога во всякое время? Нет ему тогда утешения от бога, если нет ему утешения от него самого!

Возвещу вам, что в руке божией; что у вседержителя, не скрою. Вот, все вы и сами видели; и для чего вы столько пустословите? Вот доля человеку и наследие, которое получает он, проклиная день свой. Если умножаются сыновья его, то под меч; и потомки его не насытятся хлебом, от отца принявшие страдания свои. Оставшихся по нем смерть низведет во гроб, и вдовы их не будут плакать, смехом своим предавая стези его. Если он наберет кучи серебра, как праха, и наготовит одежд, как брение, то он наготовит, а одеваться будет счастливец, и серебро получит себе на долю бессребреник. Он строит, как моль, дом свой, и, как сторож, делает себе шалаш. Ложится спать богачом, и таким не встанет; открывает глаза свои, и он уже не тот; ибо владеющий бранным как бы не владеет, а владеющий счастьем не потеряет владений своих.

Как воды, постигнут страдальца ужасы; в ночи похитит его буря. Поднимет его восточный ветер, и понесет, и он быстро побежит от него. Устремится на него, и не пощадит, как бы он ни силился убежать от руки его. Всплеснут о нем руками, и посвищут над ним с места его! Даже плевком в его сторону не осквернят себя счастливы, блаженные при нем, блаженные без него.

Глава 28

Так! у серебра есть источная жила, и у золота место, где его плавят. Железо получается из земли; из камня выплавляется медь. Так и тебе предстоит быть переплавленным огнем твоего сердца, чтобы полагать предел тьме и разыскать камень краеугольный во мраке и тени смертной.

Вырывают рудокopный колодезь в местах, забытых ногою, спускаются в глубь, висят и зыблются вдали от людей; а на пути торном не найти алмаза, и жилы самородные не селятся в базарной толпе. Земля, из которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем, ибо лишь на таковой растут хлеба неиссякаемые; камни ее — место сапфира*, и в ней песчинки золота. Стези туда не знает хищная птица, и не видал ее глаз коршуна; не попирали ее скимны, и не ходил по ней шакал; ибо нет дороги нечистому в землю, изрытую огнем, в землю обетования³⁹ твоего.

На гранит ума налагает руку свою человек, идущий вдали от селений, с корнем опрокидывает горы истлевших мудрецов и столпы законов. В скалах сознания пересекает каналы, и все драгоценное видит глаз его. Останавливает течение потоков — мыслей своих, и знание сокровенное выносит на свет. Таков есть человек, идущий вдали от селений, в земле обетования своего собирающий сапфиры несотворенные.

Где премудрость обретается? и где место разума? Нет ее на дороге от базара до скинии†, не обретается она на вытоптанной земле, и нет к ней ухоженных троп. Бездна говорит: «не во мне она»; и море говорит: «не у меня». Не дается она за золото, и не приобретает она за вес серебра. Не оценивается она золотом Офирским, ни драгоценным ониксом‡, ни сапфиром. Не равняется с нею

* *Сапфир* — драгоценный камень, синий или голубой корунд.

† *Скиния* — походный храм у древних евреев.

‡ *Оникс* — полудрагоценный камень, агат с чередующимися белыми и чер-

золото и кристалл, и не выменяешь ее на сосуды из чистого золота. А о кораллах и жемчуге и упоминать нечего, и приобретение премудрости выше рубинов*. Не равняется с нею топаз† Эфиопский; чистым золотом не оценивается она.

Откуда же исходит премудрость? и где место разума? Сокрыта она от очей всего живущего, и от птиц небесных утаена. Аваддон‡ и смерть говорят: «ушами нашими слышали мы слух о ней». Бог и небо знают путь ее: «видели мы место ее очами своими». Но лишь идущий нехоженной тропею окунается в нее, как странник, вышедший из пустыни, и струи премудрости нежат тело его, и дух его, и сердце его; ибо он прозирает до концов земли, и видит под всем небом.

Как ветер не имеет веса, и вода не имеет меры, как дождь не следует уставу и молния громоносная не ищет пути; так тело разума — пустота, и молчание — дух премудрости: приготовил ее для себя, и еще испытал ее. Ибо дорога сердца есть истинная премудрость, и удаление от страха — разум.

ными либо красными полосками.

* *Рубин* — драгоценный камень, красный корунд.

† *Топаз* — прозрачный драгоценный камень из группы силикатов.

‡ *Аваддон* — демон смерти в библейской мифологии.

Глава 29

О, если бы я был, как в прежние месяцы, как в те дни, когда боги плевали на меня со своих высот, когда светильники их светили над головою моею, но глаз не слепили мне, ходящему среди тьмы; как был я во дни молодости моей, когда достаток жил в шатре моем, когда еще дети мои были вокруг меня, когда пути мои обливались молоком, и скала источала для меня ручьи елей*! Тогда бы, верно, не познал я величия счастья своего, ибо и низкое счастье счастливо в достатке. Теперь же иначе: с язвами моими отпали богатства мои, и вслед им осыпались почитатели.

Когда я выходил к воротам города, и на площади ставил седалище свое, — юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли; князья удерживались от речи, и персты полагали на уста свои; голос знатных умолкал, и язык их прилипал к гортани их. Ухо, слышавшее меня, ублажало меня; око видевшее восхваляло меня. Потому что я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость. Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия и увясло. Я был глазами слепому и ногами хромому; отцом был я для нищих, и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно. Сокрушал я беззаконному челюсти, и из зубов его исторгал похищенное. Лишь за это меня любили, любя ожидания обо мне; а лишившись надежды, лишили себя и любви: туманна любовь их, как газ над торфяником!

Говорил я: «в гнезде моем скончаюсь, и дни мои будут многи, как песок; корень мой открыт для воды, и роса ночует на ветвях моих; слава моя не стареет, лук мой крепок в руке моей». Внимали мне, и ожидали, и безмолвствовали при совете моем. После слов моих уже не

* *Елей* — оливковое масло с примесью вина.

рассуждали; речь моя капала на них. Ждали меня, как дождя, и как дождю позднему, открывали уста свои. Бывало, улыбнусь им, они не верят; и света лица моего они не помрачали. Они назначали пути себе по мне, и сидел я во главе, и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих. Ныне же свободны они от меня, от тени моей гнетущей: тропы их открыты теперь для них!

Глава 30

Но смеются надо мною младшие меня летами, те, которых отцов я не согласился бы поместить со псами стад моих, ибо овцы они, и в смехе их не светится радость. Сила рук их к чему мне, сильному собою? Над ними уже прошло время, и упустили то, что было в их руках. Бедностью и голодом истощенные, они убегают в степь безводную, мрачную и опустевшую; щиплют в зелень подле кустов, и ягоды можжевельника* — хлеб их. Из общества изгоняют их, кричат на них, как на воров, чтобы жили они в рытвинах потоков, в ущельях земли и утесов; ибо себя у себя украли и не восполнят. Блеют между кустами, жмутся под терном.

Люди отверженные, люди без имени, отребие земли! Их-то сделался я ныне песнею и пищею разговора их; добро, если бы пели меня, как гимны, и насыщались мною, как хлебом неиссякаемым! Но гнушаются они мною, удаляются от меня, не приблизившись, и не удерживаются плевать пред лицом моим. Так как развязан повод мой и нет во мне силы внешней, сбросили они с себя узду пред лицом моим; а пред лицом своим все так же обузданы и заярмлены собою.

С правого боку встает это исчадие, сбивает меня с ног, направляет гибельные пути свои ко мне. А мою стезю испортили: все успели сделать к моей гибели, не имея помощника. О, был бы я счастлив ими, если бы идущие следом стирали следы мои и затапывали меня в прах земной, опережая стопы мои! Если бы знали они цену того, что гибнет от их копыт, и не боялись бы опрокинуть учение мое, дабы водрузить свои хоругви! Но презренен мне вид их, не знающих перлов†, которые попирают; кровь в их глазах, и истечения их бьют им в голову⁴⁰: нет рук у овец, дабы протянуть их ищущим, а мои

* *Можжевельник* — хвойное дерево.

† *Перл* — жемчужина.

ладони жаждут они откусить вместе с перстнями драгоценными. Счастлив я, ибо горлом застрянет им камень краеугольный, вправленный в оправу моих стенаний!

Они пришли ко мне, как сквозь широкий пролом; с шумом бросились на меня. Ужасы устремили они на меня; как ветер, развеялось величие мое. А счастье мое не сется, как облако: им ли, копытным, достать до него рогами овечьими и клыками вепрей*! Ныне изливается душа моя во мне словом: дни скорби объяли меня, и ласкаю их, объятый ими. Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя. С великим трудом снимается с меня одежда моя; края хитона† моего жмут меня. Вот, я в грязи, и стал я, как прах и пепел; нарекусь ныне птицей Фениксом‡, ибо кремень и трут§ рождают крылья мои из пепла!

Я взываю к вам, а вы не имеете ушей слышать меня, — стою, и только смотрите на меня, как на врата, пахнущие свежей стружкой⁴¹. Вы сделали жестокими ко мне, друзья мои; крепкими руками враждуете против меня. Я же легок, и нет во мне крепости; дух мой носится по ветру над Бездною, с трепетом ждущий Слова⁴². Так, я знаю, что смерть и живущие услышат меня; а если смерть возложит руки на дом костей моих, возопит ли дух мой живущим при его разрушении?

Не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных? ибо смехом своим плакал я с ними, и веселием своим утешал. Когда я чаял добра, пришло зло, чтобы цветы добра пахли острее; когда ожидал света, пришла тьма, чтобы и тусклое мерцание не прошло незамеченным глазу моему. Мои внутренности кипят, и не

* *Вепрь* — кабан.

† *Хитон* — накидка.

‡ *Феникс* — птица, которая, по преданию, сжигала саму себя, а потом восставала из пепла.

§ *Кремень и трут* — составляющие части огнива: кремень — камень, из которого высекаются искры, трут — легковоспламеняющиеся опилки, мох и т. д.

перестают: встретили меня дни печали, и обрадовался я долгожданной встрече с ними.

Я хожу почернелый, но не от солнца; встаю в собрании, и кричу как безумный; ибо стал я братом шакалам и другом страусам: говорю их языками⁴³, и овцы со свиньями страшатся меня. Моя кожа почернела на мне, и кости мои обгорели от жара. И цитра моя сделалась унылою, и свирель моя — голосом плачевным.

Слушайте колокольчики лугов моих! — ибо они лишь звенят беззаботно.

Глава 31

Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне об ином; потому и об иной не помышлял, нежели моя единственная, спутница моя возлюбленная, вольная. Зачислил я себе это в заслугу пред собою, ибо сердце свое держал я ее руками, оставляя свободным. Нет у нее долгов предо мною, как и у меня — пред нею; потому стократно славна верность моя и преданность ее. Но сердце ее — не искристый гранит и не железо каленое; что мне, если воля ей — отдохнуть от дыхания моего! ибо любовь моя к ней не имеет причины, вечная, юная: нет ей и прекращения.

Смеюсь я над участью своей от богов, и наследием своим упиваюсь. Не для нечестивого ли гибель, и не для делающего ли зло напасть? Вот, Путь мой — у вас на глазах; шаги мои сочтены вами.

Если я ходил в суете, и если нога моя спешила на лукавство, — пусть взвесят меня на весах правды: не создал я для себя порока в сердце своем.

Если стопы мои уклонялись от Пути, и сердце мое следовало за глазами моими, а не глаза — за сердцем, и если что-либо нечистое пристало к рукам моим чистым, пламенным, то пусть я сею, а другой ест, и пусть отрасли мои искоренены будут: нет мне жалости в том.

Если сердце мое прельщалось чужою женою, и я строил ковы у дверей моего ближнего, — пусть моя жена мелет для другого и издевается надо мною, швыряя сырую муку в грязь пред ногами моими; потому что это — преступление для меня, это беззаконие, которое сердце мое предало бы суду; это — огонь Бездны, посядающий до истребления, который искоренил бы все добро мое; ибо если на левую чашу весов положить предательство Любви, а на правую — все добродетели людские, то левая с лихвою перевесит правую и увлечет в геенну и забвение Тьмы Внешней⁴⁴.

Если я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то как укрылся бы я от сердца своего, и что сказал бы я ему, когда оно настигнет меня и взглянет на меня? Не я ли говорил: «и меньший из нас владеет силою покорять левиафанов»? Не я ли учил на площадях: «князь и раба свободны быть свободными или выбрать несвободу»? Не мои ли слова помнят стены синагоги: «с прокаженными разделю хлеб свой, и Царю Иудейскому⁴⁵ не поклонюсь»? Какова же цена мне, если в ноги себе швырнул бы сердце свое на поправление!

Отказывал ли я нуждающимся в их просьбе, и томил ли глаза вдовы? Один ли я съедал кусок мой, и не ел ли от него и сирота? Ибо с детства он рос со мною, как с отцом, и от чрева матери моей я руководил вдову. Если я видел кого погибавшим без одежды и бедного без покрыва, — не благословляли ли меня чресла его, и не был ли он согрет шерстью овец моих? Если я поднимал руку мою на сироту, когда видел помощь себе у ворот, то пусть плечо мое отпадет от спины, и рука моя пусть отломится от локтя. Ибо вот он я, счастливый, Просветленный: творю доброе не по предписанию закона, а изливаю его от избытка своего; как солнце, живу в себе, и, как солнце, умер бы вспышкой последней, запри я лучи свои в чреве своем.

Полагал ли я в золоте опору мою, и говорил ли сокровищу: «ты надежда моя»? Радовался я, что богатство мое было велико, и что рука моя приобрела много, — но что мне с того! ибо и в бедности рад я, и рад, что потерял весьма. Смотри на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует, целовали уста мои руку мою в глазах сердца моего, ибо вот она — великая тайна божественного! Разве есть мне в том преступление, подлежащее суду? потому что отрекся бы я тогда от Бога истинного, если упустил бы без радостного возгласа солнечный жар и лунную прохладу!

Радовался ли я погибели врага моего, и торжествовал ли, когда несчастье постигало его? Не позволял я устам моим грешить проклятием души его. Не говорили ли люди шатра моего: «о, если бы мы от мяса его не насытились»? Странник не ночевал на улице; двери мои я открывал прохожему. Если бы я скрывал проступки мои, как человек, утаивая в груди моей пороки мои, то я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня, и я молчал бы, и не выходил бы за двери. А вы видели меня на площадях и в синагогах, и вертепы не скрывали меня от людей, и в тени грозовых туч я не прятался; ибо несу в своем сердце правду свою, и в ладонях своих — Огонь Неугасимый⁴⁶.

О, если бы кто из вас слушал меня! Вот мое желание, чтобы Бог моего сердца нашел отклик в ваших сердцах, и чтобы певец мой, защитник мой, составил запись обо мне скрижалями огненными. Я носил бы ее на плечах моих, и возлагал бы ее, как венец. Объявил бы я певцу моему число шагов моих, сблизился бы с ним, как с князем; ибо рода он княжеского: от сердца к сердцу шел огненный венец мой, пока достиг его во мраке грядущего.

Если вопияла на меня земля моя, и жаловались на меня борозды ее; если я ел плоды ее без платы, и отягощал жизнь земледельцев: то пусть вместо пшеницы вырастает волчец и вместо ячменя куколь^{*}. —

Так сказал я и умолк, ибо кончились мои слова.

^{*} *Куколь* — ядовитый сорняк семейства гвоздичных.

Глава 32

И нечего было ответить трем друзьям моим, глупым, несчастливым, ибо прав я был в глазах моих, и правота моя сочилась из глаз моих вместе со слезами благословенных страданий моих. Но был — счастье мое, что был! — был среди слушавших нас некто именем Элиуй Вузитянин из племени Рамова, молодой годами и дерзкий взглядом; вот, вижу, достойный сменник он мне, ибо взгляд его сжигает, а ноги, словно копыта буйвола, готовы повергать и втоптывать!

И когда закончил я возвышенную речь мою и умолк, и когда бессильным молчанием ответили мне Элифаз, Вилдад и Софар, тогда солнечным пламенником воспылал девственный гнев Элиуя: на меня воспылал гнев его, что превозношу себя и смеюсь над богами, в которых не верю, и на трех друзей моих, что превозносят Бога, а надо мной даже и посмеяться не в силах. Дотоле слушал он и ждал, смиренный, дерзкий, ибо говорившие были летами старше его, и копил свою юношескую ярость; ныне же увидел он беспомощное молчание дряхлых старцев, что нет ответа в устах их речам моим и молчанию моему, и прорвался гнев его сквозь зловонную трясику воспитания. Тогда выхватил от посох мой, дорожный, крепкий, из слабых рук моих, и, словно шакалов, небрежными ударами походя отогнал друзей моих нерадивых. Когда же те, постанывая, отошли и встали посеред между длиною посоха и длиною слова, принялся Элиуй за мою изможденную язвами спину. Ох, тяжела же ты, рука молодости, супротив спины старости! Только что ты прибавишь к горестям моим? ибо они бесконечны; к счастью моему? ибо оно безгранично.

И, когда гнев его немного угас, утомившись, отвечал Элиуй, сын Варахилов, Вузитянин, и сказал:

«Я молод летами, а вы старцы; поэтому я робел, и боялся объявлять вам мое мнение, ибо думал, наивный, что годы дали вам мудрость. Я говорил сам себе: «пусть говорят дни, и многолетие поучает мудрости». Но дыхание духа и биение сердца во мне дает мне разумение, не меньшее вашего. Не многолетние мудры, и не старики понимают правду; ибо с новым днем приходит новая правда, а старики свою правду отжили вместе с годами и остатками ума. Поэтому я говорю: выслушайте голос уст моих, как выслушали голос рук моих; объявлю вам мое мнение и я; ибо правда юности свежа, как и юность.

Вот, я ожидал слов ваших, — вслушивался в суждения ваши, доколе вы придумывали, что сказать. Я пристально смотрел на вас, и вот, никто из вас не обличает Иова и не отвечает на слова его; что же, он мудрейший на этой земле? — нет, ибо он стар. Не скажите: «мы нашли мудрость: Бог опровергнет его, а не человек»; ибо мудрость, полагающаяся на Бога, глупа столь же, сколь мудр Бог. Если бы он обращал слова свои ко мне, то я не вашими речами отвечал бы ему; ибо и вы отвечаете не своими речами, а твердите, как попугаи, заученное из речей ваших раввинов, которое даже им не принадлежат!

Испугались, — продолжал Элиуй. — Испугались! — продолжал Элиуй, глядя на глупых друзей моих, тварей дрожащих⁴⁷. — Испугались, не отвечают более, — с кроткой надменностью усмехнулся еще Элиуй. — Перестали говорить, — так усмехнулся он в глаза мне — не им! — И как я ждал, а они не говорят, остановились и не отвечают более, — продолжал он дальше, — то и я отвечу с моей стороны; объявлю мое мнение и я, дабы было оно довеском к мнению ветхого посоха этого нечестивца. Ибо я полон речами, и дух во мне теснит меня.

Вот, утроба моя, как вино неоткрытое: она готова прорваться, подобно новым мехам. Поговорю, и будет легче мне; открою уста мои, и отвечу. На лицо человека смотреть не буду и никакому человеку льстить не стану; потому что я не умею льстить, а льстить бездарям и посредственностям, как эти трое — тем паче; сейчас убей меня Творец мой, если я не прав!» —

Так начинал речь свою Элиуй, сын Варахиилов.

Глава 33

«Итак, слушай, Иов, речи мои и внимай всем словам моим, — говорил мне Элиуй, Вузитянин из племени Рамова. — Вот, я открываю уста мои, язык мой говорит в гортани моей. Слова мои от искренности моего сердца, и уста мои произнесут знание чистое; потому дерзок я и готов к принятию, если чистота твоя не померкнет чистотою моею.

Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь. Если можешь, отвечай мне и стань предо мною, ибо Бог говорит в сердце моем. Далек Бог, и темны пути его; но вот я, сын его, по желанию твоему, вместо Бога. Я образован также из брения^{*}; поэтому страх предо мною не может смутить тебя, и рука моя не будет впредь тяжела для тебя. Ты говорил в уши мои, и я слышал звук слов: «чист, невинен я пред собою; в чистоте сердца творю я деяния свои; а Бог нашел обвинение против меня и считает меня своим противником, ставит в колоду ноги мои, и подстерегает стези мои». Вот в этом ты не прав, отвечаю тебе; потому что Бог выше человека. Для чего тебе состязаться с ним? Он не дает отчета ни в каких делах своих.

Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда он открывает у человека ухо и запечатлевает свое наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом. Или он вразумляется болезнию на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих, — и жизнь его отвращается от хлеба и душа его от любимой пищи. Плоть на нем пропадает, так что ее не видно, и выказываются кости его, которых не было вид-

^{*} *Брение* — плах; то, что смертно, преходяще.

но. И душа его приближается к могиле и жизнь его — к смерти.

Если есть у него Наставник, один из тысячи, чтобы показать человеку Путь его, — Бог умилосердится над ним и скажет: «освободи его от могилы, наставляющий; стараниями твоими нашел я умилоствление». Тогда тело его делается свежее, нежели в молодости; он возвратится к дням юности своей. Будет молиться Богу, чтя Наставника своего, который был милостив к нему; с радостью взирает он на лицо того, кто возвратил ему праведность его. Он будет смотреть на людей и говорить: «грешил я и превращал правду, и не воздано мне; ибо есть у меня заступник пред лицом Божиим, который освободил душу мою от могилы, и жизнь моя видит свет». Вот, все это делает Бог два, три раза с человеком, чтобы отвести душу его от могилы и просветить его светом живых.

Внимай, Иов, слушай меня, молчи, и я буду говорить. Если имеешь что сказать, отвечай; говори, ибо вижу я, что мудрость твоя не вся утекла с годами, и потому желал бы я твоего оправдания. Если же нет, то слушай меня: молчи, и я научу тебя мудрости». —

Так говорил Элиуй Вузитянин, дерзкий и в дерзости своей мудрый.

Глава 34

И продолжал Элиуй, и сказал:

«Выслушайте, мудрые, речь мою, и прислоните ко мне ухо, рассудительные! Ибо ухо разбирает слова, как гортань различает вкус в пище. Установим между собою рассуждение, и распознаем, что хорошо и есть ли такое.

Вот, Иов сказал: «сказанное мною — правда моя; а дух божий лишил меня суда. Должны ли говорить неправду уста мои, и язык мой сплетать ложь? Без вины терплю я раны свои». Есть ли такой человек, как Иов, который пьет глумление, как воду, вступает в сообщество с делающими беззаконие и ходит с людьми нечестивыми? Потому что он сказал: «что Вседержитель, чтобы служить ему! и что пользы прибегать к нему!»

Итак, послушайте меня, мужи мудрые! Не может быть у Бога неправда или у Вседержителя неправосудие. Ибо он по делам человека поступает с ним, и по путям мужа воздает ему. Истинно, Бог не делает неправды, и Вседержитель не извращает суда. Кто, кроме него, промышляет о земле? И кто управляет всею Вселенною? Если бы он обратил сердце свое к себе и взял к себе дух ее и дыхание ее, — вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах; ибо едины мир с Богом и Бог с миром.

Итак, если ты имеешь разум, то слушай это и внимай словам моим. Ненавидящий правду может ли властвовать? И что толку обвинять праведного, если ведает он праведность свою? Кто может сказать царю: «ты — нечестивец», и князьям: «вы — беззаконники»? — тот, видно, не ниже царя и князей! Вот и Бог не смотрит на лица владык и не предпочитает богатого бедному, потому что все деяния мира в деснице его. Внезапно умирают они, владыки, как и рабы; среди ночи народ возмутится, и они исчезают; и сильных изгоняют не силою. Ибо очи его над путями человека, и он видит все шаги его.

Нет тьмы, ни тени смертной, где могли бы укрыться делающие беззаконие, ибо своими руками наказывают себя беззаконники; подобно тому кладущий руку на пылающие поленья не огнем наказан, но собою. Потому уже не требует Бог от человека, чтобы шел на суд с ним. Он сокрушает сильных без исследования, и поставляет других на их места; неотвратимо и без промедления следует кара за деянием, ибо само деяние есть кара для преступивших; потому что знает Бог дела их и низлагает их ночью, и усердием своим истребляются они. Он поражает их, как беззаконных людей, пред глазами других, за то, что они отвратились от Законов его и не уразумели Пути его, так что дошел до него вопль бедных, и он услышал стенание угнетенных.

Дарует ли он тишину, кто может возмутить? скрывает ли он лицо свое, кто может увидеть его? Будет ли это для народа, или для одного человека, чтобы не царствовал лицемер к соблазну народа. К Богу должно говорить: «я потерпел, больше не буду грешить. А чего я не знаю, ты научи меня; и если я сделал беззаконие, больше не буду». По твоему ли рассуждению он должен воздавать? И как ты отвергаешь, то тебе следует избирать, а не мне; говори, что знаешь.

Люди разумные скажут мне, и муж мудрый, если найдется таковой среди слушающих меня: «Иов не умно говорит, и слова его не со смыслом». Но я желал бы, чтобы Иов вполне был испытан, по ответам его, свойственным людям нечестивым. Иначе он ко греху своему прибавит отступление, будет рукоплескать между нами, и еще больше наговорит против Бога». —

Так говорил Элиуй Вузитянин, и был весел я речами его, ибо Бог его жил не в книгах.

Глава 35

И продолжал Элиуй, и сказал:

«Считаешь ли ты справедливым, что сказал: «я правее Бога»? Ты сказал: «что пользы мне? виновный и невинный равно гибнут; нет различия в душах их: что толку мне быть непорочным?» Я отвечу тебе и твоим друзьям с тобою: взгляни на Небо и смотри; воззри на облака, они выше тебя. Если ты грешишь, что делаешь ты ему? и если преступления твои умножаются, что причиняешь ты ему? Если ты праведен, что даешь ему? или что получает оно от руки твоей? Нечестие твое относится к человеку, как ты, и праведность твоя к сыну человеческому.

От множества притеснителей стонут притесняемые и от руки сильных вопиют. Но никто не говорит: «где Бог, Творец мой, который дает песни и ночи, который научает нас более, нежели скотов земных, и вразумляет нас более, нежели птиц небесных»? Там они вопиют, и он не отвечает им, по причине гордости злых людей. Но неправда, что Бог не слышит и Вседержитель не взирает на это. Хотя ты сказал, что ты не видишь его, но суд пред ним, и — жди его!

Но ныне, потому что гнев Божий не посетил его в страданиях его, которые ему лишь в радость и на утверждение, и он не познал его во всей строгости, счастливый в несчастиях, Иов и открыл легкомысленно уста свои и безрассудно расточает слова». —

Так говорил Элиуй Вузитянин, и прав он был пред глазами своими, которые есть глаза Бога.

Глава 36

И продолжал Элиуй, и сказал:

«Подожди меня немного, и я покажу тебе, что я имею еще что сказать за Бога. Начну мои рассуждения издалека и воздам Создателю моему справедливость; потому что слова мои точно не ложь; пред тобою совершенный в познаниях, ибо не книжные истины впитались в меня, а истины сердца истекают из уст моих.

Вот, Бог всемогуществен и не презирает сильного крепостию сердца. Он не поддерживает нечестивых, и воздает должное угнетенным. Он не отвращает очей своих от праведников, но с царями навсегда посаждает их на престоле, и они возвышаются. Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то он указывает им на дела их и на беззакония их, которые умножились. И открывает их ухо для вразумления, и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. Если послушают и предадутся служению вышнему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои в радости. Если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии. Ибо воздаяние есть тень и отклик: поднявшийся отбрасывает тень, и слова вопиющего рождают эхо.

Но лицемеры питают в сердце гнев и не взывают к Вседержителю, когда он заключает их в узы. Поэтому душа их умирает в молодости, и жизнь их с блудниками. Он спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его. И тебя вывел бы он из тесноты на простор, где нет стеснения, и поставляемое на стол твой было бы наполнено туком.

Но ты преисполнен суждениями нечестивых: суждение и осуждение близки меж собою. Да не поразит тебя гнев Божий наказанием! Даст ли он какую цену твоему богатству? Нет, — ни золоту и никакому сокровищу. Не желай той ночи, когда народы истребляются на своем месте. Берегись, не склоняйся к нечестию, которое ты предпочел страданию; ибо вижу я, что нет страдания на

тебе. Бог высок могуществом своим, и кто такой, как он, наставник?

Кто укажет Богу Путь его, кто сможет сказать: «ты поступаешь несправедливо»? Помни о том, чтобы по делам, которые люди видят, превозносить его. Все люди могут видеть дела его; человек может усматривать их издали, ибо шорох травы и рык диких зверей рождены им.

Вот, Бог велик, и мы не можем познать его; число лет его неисследимо. Он собирает капли воды: они во множестве являются дождем; из облаков каплют и изливаются обильно на людей. Кто может также постигнуть протяжение облаков, треск шатра его? Вот, он распространяет над ним свет свой и покрывает дно моря. Оттуда он судит народы, дает пищу в изобилии. Он сокрывает в дланях* своих молнию и повелевает ей, кого разить. Треск ее дает знать о ней; даже овцы чувствуют происходящее». —

Так возносил Элиуй своего Бога; но был отличен он от иных возносителей пред моим лицом, ибо говорил в чистоте сердца и в юношеской премудрости, и горел Огнем Неугасимым.

Три шага; три шага остается ему для Прозрения⁴⁸, Элиую из Вузии!

* Длань — рука, ладонь.

Глава 37

Вот, чую поступь приходящего после меня следами не моими: сына Пламени своего вижу я старым глазом; от сего трепещет сердце мое, Иова Счастливого, и подвигается с места своего. Слушайте, слушайте голос его и гром, исходящий из уст его! Под всем небом раскат бие-ния его, и блистание его до краев земли. За ним гремит глас; гремит оно гласом величества своего и не останавливается, когда голос его услышан. Дивно гремит сердце мое гласом своим, делает дела великие, для овец непо-стижимые. Ибо снег опускается на землю без звука; и мелкий дождь и большой дождь рождают шорох; той же тропюю, что и прежние, идут они по земле, хотя следы прежних не бороздят небеса.

Печать ложится на сердце человека, чтобы все люди могли постичь Единого и Пути Господни исповедать⁴⁹. Зверь уходит в убежище и остается в своем логовище: птица небесная имеет гнездо, и лисица — нору; лишь Сыну Человеческому негде прислониться⁵⁰, ибо уходит он от отца своего и от матери своей, чтобы искать свой Путь, на котором нет следов. От юга приходит буря, от севера стужа. От северного дуновения происходит лед, и поверхность воды сжимается; западный ветер наполняет влагою тучи, и облака сыплют свет сквозь свое решето. И они направляются по путям своим, чтобы исполнить свое предназначение; что им, губящим посевы! ведь они же и дарят им жизнь.

Внимай сему, Иов! — сказал Иов Иову. — Стой и разумевай чудные дела Божии, ибо они есть дела твои. На какую судьбу измыслил ты себе свет и тьму? Равновесие лежит между облаками; чудное дело оно от совершеннейшего в знании. Как нагревается моя одежда, когда успокаивается земля от дня и юга, когда ночь и север опускаются на границы ее? Небеса надо мною — как литое зеркало: лишь устремились в него глаза мои, младенца Иова, как распростерлись они надо мною; не раньше. Что

же сказать мне Богу, если ведом ему Путь мой? ничего не могу сообразить в этой тьме; пусть и он плутает со мною. Сказанное и не сказанное равно возведены ему, ибо сердце мое — сердце Бога.

Теперь не видно яркого света в облаках; но пронесется ветер, и расчистит их. Светлая погода приходит от севера, и окрест меня страшное великолепие. Вседержитель!.. нам ли не постигнуть его! Он велик силою, судом и полнотою правосудия. Он никогда не угнетает. Посему да благоговеют пред ним люди, и да трепещут пред ним все мудрые сердцем! Ибо познавшие себя и сердце свое познали Бога.

Вот, стал я вопрошающим пред Элиуем, чтобы ответ его не замедлился.

Глава 38

И тогда вырвался на свободу Бог мой, и из бури бушующей сердца моего отвечал он речам дерзновенным:

— Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? — отвечал он устами моими. — Препояшь ныне чресла твои, как муж: я буду вопросом, а ты стань ответом; ибо ведаю я пути Бога истинного. Не в хулу Богу мое богохульство, но во славу ему, живущему в грязи и сапфирах, в земном и небесном, в уме и сердце; ибо отвергающий богов уже взлелеял в сердце своем Бога живого, истинного: вспышка, — и уж возрос он из брения пламенным лепестком. В твоей руке власть постигнуть его, ибо не более велик он, чем ты, и не более мал тебя.

Посмотри: вот твердь земная, и камни ее, и грязь, и песок; посмотри, как прекрасны они: грязь, как и рубины; сапфиры, как и ил болотный! В основании земли лежит камень краеугольный; где ты был, когда водрузил я его в основание земли своего обетования? Но и я не видел краеугольного камня твоей земли.

Вот они, величайшие тайны мироздания; и пусть глупцами зовутся мудрецы, ищущие их в танце ангелов на острие иглы и в споре сознания и материи. Во все стороны не сыскать меры Вселенной! кто знает меру ее, как не ты, создавший меру ее по себе! Верь мысль твоей тянется от края ее до края; между краями бескрайней Вселенной протянута мысль твоего разума! Ликуют звезды, когда сыны Божии восклицают от счастья! а и меньший из вас есть Сын Божий в счастье своем, ибо он есть Сын Человеческий⁵¹.

Вот, безбрежное море затворено вратами своих берегов, и сила небес удерживает воды его на земле; что может быть чудеснее морских барашков, рвущихся на берег, и круглых окатышей его! Облака — одежда его, во мглу запеленуты левиафаны — сыновья его, и чайки небесные виражами своими и криками поют хвалу Творению, которое и есть Творец⁵²! А берега его — эти запоры

и ворота морские!.. Что может быть прекраснее песчаных обрывов, ставящих ему определение, и горячих пляжей, говорящих: «доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим!»! Это ли не Бог — море и берега его!

Вот, наступает утро, и заря занимает место свое на небе, охватив края земли и стряхнув с нее нечестивых; и земля изменяется под светом ее, как глина под печатью, и становится, как разноцветная одежда: цветы ее раскрывают венчики свои и дарят цвет смотрящему и аромат вдыхающему, — и отнимается свет у нечестивых, презревших красоту, и дерзкая рука их сокрушается трепетными лепестками. Что столь же прекрасно? и есть ли столь прекрасное среди творений рук человеческих, как это утро и эти цветы, украшающие день? Не они ли — истинный Бог земли этой?

Видел ли ты красоту морских глубин, и входил ли в исследование Бездны? — волны служат небом жителям моря, а скалы — подземному миру. Серебром блестят обитатели глубин, жемчуга таятся в мантиях неторопливых улиток; сверкающими кристаллами украшен мрак подземелий, и кораллы ветвятся среди подводного мрака. Прозрачные медузы — колокола во славу Богу, и вертепы* морские — скинии его. Посмотри! головы спрутов — лик Божий, и россыпи алмазов во тьме пещер лежат в деснице его.

Отворились ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной? — ибо вот оно, величайшее таинство жизни: племя приходит и племя уходит⁵³; на трупах гниющих рождается зелень травы, и черви находят приют в пустых черепах; место смерти становится местом жизни, и жизнь громоздится на руинах смерти. Что есть жизнь, не знающая смерти! — только скопище неживого; ибо лишь смерть делает жизнь текущей, словно река, и

* *Вертеп* — пещера, грот.

воистину живой. Не в этом ли — великая сила Бога, который есть жизнь живая?

Обозрел ли ты широту земли? На горах ее отдыхают облака, и во впадинах ее прячутся воды. Лани и горные козы пасутся на лугах ее, волки и барсы имеют себе на стол от стад их, и травы могильные поднимаются там, где кончаются их пути. Воды рек и озер взмывают от солнца к солнцу: солнечные лучи влекут их к солнцу небесному, и в стаях облаков находят они семью себе, чтобы пролиться на поля хлебные и степи ковыльные, питающие зверя и человека. Лесные пожары устремляют дымы свои к небу, и все живое бежит от них; но едва остынет земля под ногами бегущих, как мох и лишайник выстелят пепельные прогалы, и новые цветы найдут приют среди мха. Все устроено на земле разумно, ибо вот он, Бог: травинка, поднимающаяся над пеплом, и гиена, пожирающая падших; горящий ствол сосны и дождь, струящийся по скале; ночной мотылек и могильный червь, грациозный барс и трепетная лань, могучий дуб и дрожащая осина.

Где путь к жилищу света, и где место тьмы? Можешь ли ты разделить их и сказать свету: «здесь дом твой, и не покинешь», и тьме приказать: «здесь граница тебе, и не перейдешь»? Нет в тебе силы разделить их, и никому из богов не дано этого; ибо тьма есть плоть Бога, как и свет, и нет разделения между ними⁵⁴: лишь во тьме виден свет, и лишь свет оттеняет тьму; а царство полутонов велико, потому ночь оборачивается утром, как и день — вечером.

Но что я! ибо знание это есть в тебе, как и во мне. Ты, конечно, доходил до границы света и знаешь стези к дому тьмы, ибо ты есть обитель ночи и пристанище дня. Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико. Число дней твоих — число дней мира, ибо лишь твоим дыханием живет мир в тебе; а ты пребывал в нем от начала, ибо и ты — Бог ис-

тинный, как и камень, отдыхающий на берегу моря, и прошлогодний лист, шуршащий под твоими стопами.

Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града, ждущие своего часа? Вот, и в каждой капле, и в каждой снежинке живет он — Бог безымянный, Бог истинный, не верящий в людские Писания. Вот пути, по которым разливается свет и разносится восточный ветер по земле; вот путь для громоносной молнии и протоки для изливания воды, которыми идет дождь на землю безлюдную, на пустыню, где нет человека, чтобы насыщать пустыню и степь и возбуждать травяные зародыши к возрастанию: се есть пути Божии, ибо в них рождается жизнь.

Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы? Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный, — кто рождает его? Воды, как камень, крепнут, и поверхность бездны замерзает. Законы Вселенной едины, и сила, охлаждающая пламя, сковывает реки; то, что растапливает ледники, плавит и железо. Вот, солнце пролилось лучами на землю; что оно — жизнь для замерзающего или смерть для изнывающего от жажды? Вот, дождь устремился с высот, из самого горнила небесного; ищет ли он погибели мореходу или дарит влагу пустыннику? Своими путями стремятся дожди и солнечные стрелы: благо они для принимающих Поток, зло они для идущих против Потока; ибо нет лицепрятия пред Потоком, который есть Бог, и Путь, и Закон⁵⁵; но живущий в единстве и гармонии с ним жив и в смерти, а забывающий о нем мертв и будучи живым.

Взгляни на небо, Элиуй из Вузии! — так сказал я сыну Пламени своего. — Не увидишь ли там Бога? Не усмешку людских богов и не их седые бороды увидишь ты в небе, но серп Медведицы и узел Ориона*. В свое время выходят созвездия на просторы небесные, и Плея-

* *Медведица, Орион* — созвездия.

ды* блестят в небесах алмазной россыпью. Чужды небу уставы земные, но и на земле царствует земное, а не небесное⁵⁶. Голос твой возвышается к небу; слышат его облака, и вода в обилии покрывает тебя. Молнии рассекают небо трещинами и говорят тебе: «вот мы!» Не в них ли увидишь ты Бога? Не Облако ли — имя ему? не Молния ли — Бог всемогущий? не Созвездиями ли зовется он? ибо и малое среди них есть Бог.

Вот еще слово мое к тебе, Элиуй, сын Варахиилов. Что тебе в манне небесной, и в хождении по водам, и в солнце, замирающем в зените? — ибо есть чудеса большие того: облака, парящие над землею и низвергающие воды из сосудов своих, когда пыль обращается в грязь и глыбы слипаются; львица, ловящая добычу и насыщающая молодых львов, когда они лежат в берлогах или покоятся под тенью в засаде; ворон, ищущий корм в пропитание, когда птенцы его кричат к небу, бродя без пищи. Таковы чудеса эти, простые в величии, великие в простоте⁵⁷.

Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму? Бог — имя мудрости сердца твоего; и разум, обретший смысл, есть Бог. Не величайший ли из них есть ты, который есть сосуд мудрости и вместилище разума? Не в твоих ли руках быть мудрым или предаться глупостям, разумным или одержимым безумием? Не в тебе ли власть усмирить левиафанов или насытить их ненасытные чрева? Теперь узнай истинное имя Бога, который есть над тобою; который есть владыка твой и создатель; которому дано карать тебя и миловать, жизнь и смерть отпускать тебе щедрой мерою. Элиуй, Элиуй Вузитянин — имя ему, твоему всемогущему Богу!

* *Плеяды* — звездное скопление.

Глава 39

Смотри! не это ли — верх путей Божиих? Дикие козы рожают в час свой, и роды лани сокрыты ветвями дебрей; кто расчислил месяцы беременности их, и кто знает время родов их? Они изгибаются, рождая детенышей своих, выбрасывая свои ноши. Дети их приходят в силу, растут на поле, уходят и не возвращаются к ним, непреклонные, словно время; приходят бляеть на кости их, и не узнают костей их; попирают ногами червей могильных, ядущих плоть матерей их, и кто поведает им, что одна плоть породила тех, легконогих, и других, извивающихся во прахе?

Дикий осел скачет по степи на свободе, и онагр* разрешается от уз своих; степь — дом ему, и солончак — жилище. Он посмеивается городскому многолюдству и не слышит криков погонщика. По горам ищет себе пищи и гоняется за всякой зеленью. Но свободен ли он, рожденный со свободой и не вольный выбрать несвободу? Дикий осел рождается диким, и кто приручит? осел домашний рождается несвободным, и даст ли ему счастье воля? Иначе ты: степь твоя и ярмо твое — детища рук твоих.

Вольный среди вольных, спесивый единорог, попирает копытом молодые ростки. Захочет ли он служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде, и станет ли он бороться за тобою поле? Понадеешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ему работу твою? Поверишь ли ему, что он семена твои возвратит и сложит на гумно† твое? Подъяремный он свободе своей, и не сбросит; природа его держит его в клетке воли, и не отпустит. Нет ему нижайшего рабства, нет ему и служения вышнего.

* Онагр — кулан, дикий осел.

† Гумно — площадка для обработки зерновых культур.

Какой художник разбросал алмазы и рубины по крыльям павлина? Откуда перья и пух у страуса? Он оставляет яйца свои на земле, и на песке согревает их, и забывает, что нога может раздавить их и полевой зверь может растоптать их. Он жесток к детям своим, как бы не своим, и не опасается, что труд его будет напрасен, потому что нет ему мудрости, и не уделен он смыслом. Прервется ли его род оттого? и заплачет ли он над скорлупами, как бы последними? Но ты!.. Без воли твоей не продлится род твой: хранить девство в твоих руках, как и пуститься в блуд; но истинное благо тебе — Срединный Путь между крайностями.

Смеюсь я, видя коня, несущего всадника: велика сила его, и мышцы его упруги, и шея его облечена гривой; а всадник думает, что может испугать его, как саранчу, и что он — повелитель! Храпение ноздрей его — ужас! Роет ногою землю и восхищается силою; идет навстречу оружию. Он смеется над опасностью, и не робеет, и не отворачивается от меча. Колчан звучит над ним, сверкает копье и дротик; в порыве и ярости он глотает землю и не может стоять при звуке трубы. При трубном звуке он издает голос: «гу! гу!» И издалека чует битву, громкие голоса вождей и крик. Между тем смирение его близко; от руки рукой подать до него; тих голос усмирившего его, и нет хлыста в его ладони.

Вижу мудрость я в полете ястреба, направляющего крылья свои на полдень; им ли избрана мудрость его? и дано ли ему лишить себя смысла? К небесам возносит орел крылья свои, на высоте устроит он гнездо свое; чьему слову верит он, не возведя гнезда на болоте? Он живет на скале, и ночует на зубце утесов и на местах неприступных. Оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко. Птенцы его пьют кровь, и где труп, там и он. Объявит ли он кровь нечистой для себя, и принесет ли очистительную жертву за мертвечину⁵⁸? Вот, мудрость в нем; но не своею мудростию мудр он, потому

глупее глупейшего из выбравшего глупость мудростию своею. И не нужно мне ночного видения, чтобы узреть Бога и узнать волю его; ибо наяву является он мне с каждым вдохом.

Вот он — верх путей Божиих: право выбора и право не выбирать, — так говорил я Элиую Вузитянину, и слова мои находили приют себе в его пустоте. — Ты ли будешь учить меня вере? обличающий пусть ответит. —

«Что буду отвечать я тебе? — так отвечал мне Элиуй. — Что буду отвечать я тебе? руку мою полагаю я на уста мои. Однажды я говорил, — теперь отвечать не буду; даже чересчур говорил я, но более не буду». —

Так сказал Элиуй, и в том было слово мудрости его, безмолвного, принимающего.

Два шага; два шага остается ему для Прозрения, Элиую из Вузии!

Глава 40/41

Тогда продолжал речь свою из бури сердца моего Бог, в сердце моем приютившийся:

— Препояшь, как муж, чресла твои, — устами моими так говорил он Элиюю, сыну дерзновения моего. — Препояшь, как муж, чресла твои: я буду вопросом, а ты стань ответом.

Ты ли — ниспровергающий меня? и в тебе ли сила сокрушить столпы мудрости моей? Такая ли у тебя мышца, чтобы превзойти мою, не сломленную богами? И можешь ли возгреть голосом сильнее, чем они? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие, данное тебе от начала времен. Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое, и смири его. Взгляни на всех высокомерных, и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их. Зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Тогда я признаю, что взял ты в десницу свою спасение свое, и посох мой в твоих руках сокрушит меня дерзновенно в духе, как не смог сокрушить во плоти.

Вот бегемот; он ест траву, как вол. Вот его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его. Поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены. Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья; это — величайший из великих, — но и над ним найдется великий, способный приблизить к нему меч свой.

Горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют. Он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах. Тенистые деревья покрывают его своею тенью; ивы при ручьях окружают его. Вот, он пьет из реки, и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его. Но и над ним найдется тот, кто возьмет его в глаза его и проколет ему нос багром.

Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри

его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? Станешь ли забавляться им, и свяжешь ли его для девочек твоих? Будут ли продавать его товарищи ловли, разделят ли его между Хананейскими купцами? Можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьею острогою? Клади на него руку твою и помни о борьбе: вперед не будешь.

Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? То лишь спасает смертного от него, что колыбель его — море, а море это таится в сердце: нет пути туда идущему от луга к загону. Нет столь отважного среди живущих, который осмелился бы потревожить его; а ты целишь повергнуть меня, Ловца Левиафанов! Дерзость твоя оправдывает тебя: иди вслед за мною своею дорогою, как предваривший меня; под всем небом все мое для меня, твое для тебя, если приберег ты острогу своему левиафану.

Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их. Кто может открыть верх одежды его, кто подойдет к двойным челюстям его? Кто может отворить двери лица его? круг зубов его — ужас. Крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твердою печатью. Один к другому прикасаются близко, так что и воздух не проходит между ними. Один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются.

От его чихания показывается свет; глаза у него, как ресницы зари. Из пасти его выходят пламенники, выскрывают огненные искры. Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горна* или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и пред ним бежит ужас. Мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут. Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов.

* Горн — здесь: кузнечная печь.

Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса. Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик^{*}, ни латы. Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево. Дочь лука не обратит его в бегство; пращные[†] камни обращаются для него в плевую. Булава считается у него за соломинку; свисту дротика он смеется. Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи. Он кипятит пучину, как котел, и море превращает в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою.

Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости.

И такового в руки предаю я тебе⁵⁹.

* *Дротик* — короткое метательное копье.

† *Праща* — приспособление для метания камней.

Глава 41 (продолжение)

Следуй своим Путем, ловец человеков!
Я сделаю тебя Ловцом Левиафанов⁶⁰. —

Глава 42

И отвечал мне Элиуй, дрогнувший дерзостью от дерзости моей:

«Знаю, что ты все можешь, Равви, и что намерение твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, — взывал я, — и я буду говорить, и что буду спрашивать у тебя, объясни мне. Я слышал тебя слухом уха; теперь же глаза сердца моего видят тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле». —

Так говорил Элиуй, гордый, дерзкий, и не было гордости и дерзости в речи его.

Один шаг; один шаг остается ему для Прозрения, Элиую из Вузии!

Вот, сделай последний шаг, Элиуй!

Эпилог

И, дослушав сие, вырвал со смехом я свой посох из рук его, и с любовью и силою превеликой ударил его посохом своим тисовым, смеясь над нелепыми его сожалениями.

И распался мой старый посох, как всегда распадается старое при встрече с новым.

И вскрикнул Элиуй, и заплакал; и, не успев отплакать, вскрикнул Элиуй снова, и засмеялся; и, не успев отсмеяться, крикнул трижды: «квац! квац! квац!»⁶¹ — словно птица, крикнул он трижды, ибо в тот же миг стал крылатым.

И преклонились пред ним левиафаны, ибо понял он, что имя им — Легион, и в свиньях и овцах обитают они⁶²; его же море обратилось ныне Бездною Предначальной, и он был готов к Творению.

И ужаснулись боги на небесах наших сердец, ибо не было в них больше места для них.

И сбросил я с себя постылые язвы свои, и расправил члены свои, сильный и бодрый, как прежде; без труда сбросил я с себя язвы свои, ибо без труда и принял их от богов.

И увидел я Элифаза Феманитянина, и Вилдада Савхеянина, и Софара Наамитянина, склонившихся пред Элиуем, как прежде склонялись они предо мною, — несчастных и жалких увидел я их, последующих, а не принимающих.

И увидел я дары от них, и от братьев их, и от братьев их братьев; четырнадцать тысяч мелкого скота увидел я, и шесть тысяч верблюдов, и тысячу пар волов и тысячу ослиц; Элиую были дары эти, и тепло стало на сердце моем, ибо к сердцу моему были мне эти дары.

И вернулась ко мне возлюбленная спутница моя, добрая, светлая, отдохнувшая от меня и уставшая от отдыха; и обнял я ее, и ввел в свой шатер, не помня о прошедшем, не думая о грядущем.

И разглядел я во тьме взором тайным семерых сыновей младших, пришедших вслед за семерыми старшими, и трех дочерей: именем Эмимь, именем Кассия и именем Керенгаппух, — прекраснее тех, что были прежде, и прекраснее прекрасных, ибо были ныне.

И было тепло у меня на сердце, и было тепло у моих костров; и тепло от Огня Неугасимого опалило земли мертвых, согревая живых, и в сердце огня стоял Элиуй — сын Пламени моего.

Ибо настало Время Наследника.

2002

Комментарии

¹ Ср.: маздеистская концепция Дьявола (Аримана) как тени, падающей от света Бога (Ормузда) при прохождении через души недостаточно чистых людей; повесть Урсулы Ле Гуин «Волшебник Земноморья» о том, как волшебник Гед сражался со своей Тенью; см. также рассказы Э. О. «Учитель» и «Разговор с Тенью».

² Повесть написана как переложение библейской Книги Иова.

³ Ср. библейская заповедь «Чти день субботний» и изречение Иисуса: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

⁴ Использование посоха для доходчивого объяснения эзотерических вопросов характерно для традиции Дзэн

⁵ В литературе фэнтези посохи из тисового дерева иногда встречаются у магов.

⁶ Ср. библейскую трактовку понятия «первородный грех» в Книге Бытия.

⁷ Речи трех друзей Иова приводятся дословно по каноническому изданию Библии.

⁸ Лавровый венок — символ славы, терновый — символ страдания.

⁹ Ср. «бездна предначальная».

¹⁰ Намек на изречение Заратустры («пророка персидского») из книги Фридриха Ницше.

¹¹ Ср. богословское название дьявола — «ложь и отец лжи».

¹² Буддийская концепция Срединного Пути.

¹³ Ср. роман Николая Псурцева «Голодные призраки»: «Ощущение власти над собой и ощущение радости жизни после убийства дано почувствовать не каждому, более того, это дано единицам. Большинство же людей мучаются после убийства. Убитые являются им ночами, грозят им бледными пальцами из проезжающих трамваев и троллейбусов, шепчут на ухо: «Пошто ты, падла, загубил меня, чернявого?» ну и так далее. Другая же категория людей вообще ничего не чувствует после убийства, ну, замочил и замочил, мать его, козла потного. Сытно после того обедают и обхохатываются над мультиками. И таких, и первых, и вторых, большинство, повторяю, большинство. Так вот этот закон для них. Даже не закон. А, скажем, диктуемая извне непреложная внутренняя установка. Для них, и только для них. А для людей, сознательно идущих на убийство, чтобы получить ощущение собственной мощи, для таких людей существуют совсем иные законы — это те законы, которые они устанавливают сами для себя...»

¹⁴ Ср. ритуальное очищение огнем.

¹⁵ Одна из провозглашенных Бодхидхармой позиций Дзэн-буддизма — донесение Истины без помощи священных писаний.

¹⁶ См. рассказ Э. О. «Десять Шагов Заблудшей Овцы»: «Невольно задумываешься: куда ведет козел? откуда пришел пастух? зачем тебя стригут и что такое — шашлык?»

¹⁷ Ср. христианская концепция «второго рождения от Духа Святого».

¹⁸ Сопоставление концепции реинкарнации и концепции единственной жизни, заканчивающейся смертью, как двух крайностей.

¹⁹ Ср. история о Чжуан-Цзы, которому приснилось, что он — бабочка. Про-

снувшись, он долго не мог понять, кто он: Чжуан-Цзы, которому приснилось, что он — бабочка, или бабочка, которой снится, что она — Чжуан-Цзы.

²⁰ Ср. «Изумрудная Скрижаль» Гермеса Трисмегиста: «То, что вверху, подобно тому, что внизу».

²¹ Завуалированный анахронизм (Нового Завета во времена Иова, разумеется, не было).

²² Плач и скрежет зубовой ожидает, согласно библейской традиции, грешника в аду.

²³ Ср. изречение Иисуса: «Ударившему по левой щеке подставь и правую».

²⁴ Здесь Сын Человеческий — не обозначение Иисуса, а, скорее, синоним ницшеанского «Сверхчеловека».

²⁵ Ср. в Евангелиях и в Книге Исайи: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

²⁶ Ср. выражение «Без царя в голове».

²⁷ Ср. христианская концепция «приращения телом Христовым».

²⁸ Ср. отношение Иисуса к книжникам и законникам.

²⁹ Намек на канонический вариант Книги Иова.

³⁰ Словами Иова Э. О. намекает на самого себя.

³¹ Ср. выражение «Кишка тонка».

³² Согласно Апокалипсису, Зверю (Антихристу) «дана власть вести войну со святыми и победить их».

³³ Концепция агностиков.

³⁴ Ср. анекдот: «Куда бы вы хотели попасть после смерти — в ад или в рай?» — «Ну, в раю климат лучше... Зато в аду — компания интересней!»

³⁵ См. рассказ Э. О. «Ты умеешь летать!»

³⁶ Имеется в виду Иисус и его Нагорная Проповедь; также своеобразное предуказание на написанную позднее повесть «Дочь Человеческая».

³⁷ Ср. выражение «В здоровом теле — здоровый дух».

³⁸ Дословная цитата из Нагорной Проповеди.

³⁹ Ср. древнееврейская концепция «Земли Обетованной».

⁴⁰ Ср. выражение «Моча в голову ударила».

⁴¹ Ср. выражение «Смотрит, как баран на новые ворота».

⁴² Ср. Быт. 1, 2 и Иоан. 1, 1.

⁴³ Согласно многочисленным преданиям, святые могли разговаривать с животными.

⁴⁴ Согласно «Сильмариллиону» Дж. Р. Р. Толкиена, во Тьму Внешнюю был помещен после своего поражения Мелькор — Темный Властелин.

⁴⁵ Здесь одновременно подразумевается и правитель Иудеи, и Царь Иудейский (Иисус как христианский Бог), оба из которых, как символы величия, ставятся на одну ступень с прокаженными — символами падения и уничтожения.

⁴⁶ В «Сильмариллионе» — атрибут Илуватара (верховного бога), образная противоположность Тьме Внешней (см. выше).

⁴⁷ Ср. у Достоевского («Преступление и наказание»): «Тварь ли я дрожащая или право имею?»

⁴⁸ Сакральное число три, часто встречающееся в ритуалах инициации.

⁴⁹ Ср. традиционное богословское выражение «Неисповедимы пути Господни».

⁵⁰ Цитата из Евангелия.

⁵¹ Еще одно обыгрывание синонимичности понятий «Сын Божий» и «Сын Человеческий».

⁵² Ошо Раджниш говорил, что Творец и Творение больше похожи не на художника и картину, а на танцора и танец: танцор становится танцором только в танце, а танец не существует отдельно от танцора.

⁵³ Ср. Еккл. 1, 4: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки».

⁵⁴ Ср. восточный символ Тайцзы — взаимопроникновения Инь (Тьмы) и Ян (Света).

⁵⁵ Путь, Поток, Закон — синонимы слова «Дао».

⁵⁶ Ср. «Кесарю — кесарево, а Богу — богово».

⁵⁷ Ср. выражение «Просто, как все гениальное».

⁵⁸ Ср. библейские законы о «нечистоте» употребления в пищу крови и об очистительной жертве за прикосновение к мертвому.

⁵⁹ Ср. в Евангелии: «Отче! в руки Твои предаю Дух Свой!»

⁶⁰ Ср. в Евангелии: «Следуйте за Мной! Я сделаю вас ловцами человеков!»

⁶¹ В традиции Дзэн-буддизма — выкрик, связанный с опытом Сатори и обретением Просветления.

⁶² Ср. евангельское предание о нечистых духах, имя которым — Легион: Иисус изгнал их из бесноватого в свиней.

«Апокриф». Альманах Ордена «Золотой Зари Запада».

Вып. 1.